

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ
МЕСТЬ
ЛЕДОВОЙ ГОНЧЕЙ

Ледовые корсары

Юрий Погуляй

Месть Ледовой Гончей

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Поголяй Ю. А.

Месть Ледовой Гончей / Ю. А. Поголяй — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Ледовые корсары)

ISBN 978-5-9922-1589-2

В Пустыне, среди торосов и вздыбленных льдин, под всепрощающим снегом хранится множество тайн. И кому, как не ледовому корсару, знать о них? Главные герои – юноша-эмпат и его друг, бывший воришка из блуждающих городов, – волею судьбы оказались на борту пиратского судна и теперь обречены на приключения. Их ждут падшие шаманы и демоны льдов, следы погибших цивилизаций и покой удаленных форпостов, шпионы таинственного братства и опустившиеся на самое дно легендарные герои. Но когда рядом друг – все не так уж и плохо.

ISBN 978-5-9922-1589-2

© Поголяй Ю. А., 2013
© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Глава пятая	43
Глава шестая	52
Глава седьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Погуляй

Месть Ледовой Гончей

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I Сомнения

Глава первая Демоны нижних палуб

Бродун взревел. Возмущенный голос косматого гиганта прокатился по снежной пустыне. Зверь высотой двадцать футов, не меньше, неуклюже пятился от окружающих его людей и недоумевал – как в такой прекрасный солнечный день ему довелось столкнуться с наглыми коротышками. Могучий нос-хобот, способный пробивать многовековой лед в поисках пищи, метался из стороны в сторону, будто указующий перст, нацеливаясь то на одного моряка, то на другого. Крохи, окружившие бродуна, пугали пустынного странника. От них пахло шкурами мертвецов и грязью, и кроме того они делали ему больно.

В Пустыне вновь громыхнул выстрел дальнобоя. Обиженно взыв, покрытый белоснежным мехом исполин попятился и сделал прыжок в сторону, мечтая оставить обидчиков позади. Толстые лапы подняли в воздух ледяную крошку, сверкнувшую в свете солнца.

Если бы у него хватило смелости и ума – он мог в считанные мгновения растоптать пиратов-охотников, которые с азартными криками гнали снежного великана на смерть.

Мне стало его жалко.

Зверь, испуганно прижимая лохматые уши и прихрамывая, поспешил прочь от полукольца загонщиков. Наверняка он уже сто раз проклял себя за то, что не сбежал, когда из-за гряды торосов выполз трехпалубный гусеничный корабль. Бродун мог скрыться, когда ледоход остановился и с него спустили лайар. Могучие лапы унесли бы пушистого гиганта далеко-далеко от тарахтящей крохи, пока та ползла по безветренной ледяной глади, загоняя жертву в тиски меж двух кораблей, но мохнатый зверь лишь проводил ее настороженным взглядом.

Зря...

Теперь же люди гнали глупого странника Пустыни напрямик к лайару, на носу которого двое моряков привели в готовность бортовой метатель и ждали, когда дичь окажется в пределах выстрела. Двигатель кораблика молчал.

Среди сверкающих под ярко-синим небом льдов раздался еще один выстрел. На огненный порошок капитан сегодня не скупился, и я его понимал: мясом бродуна, хоть и жестким, можно целую неделю кормить команду. Хотя, может, и больше? Никогда не задумывался об этом.

Истинные хозяева Пустыни – маленькие, беззащитные для мороза люди – успешно гнали раненого зверя напрямик на спешно организованную засаду. Мне казалось, что на лайаре-то можно было избежать ненужной возни, но скучный корабельный быт настолько достал моряков, что те с радостью приняли участие в «охоте».

– Бауди, чего встал? – одернул меня ворчливый голос Полового. Старший матрос наблюдал за травлей бродуна, облокотившись на очищенные ото льда поручни. Он задумчиво коснулся жуткого шрама на месте правого глаза. Из-под обледевшего шарфа поднимались облачка искрящегося пара. Металлическая сетка окуляра, прикрывающего здоровый глаз, покрылась инеем. – Работай, а то замерзнешь!

Я послушно взял увесистый ломик и принялся сбивать лед с обшивки. Половой прав: я уже чувствовал, как холодные пальцы мороза пробираются под парку. Руки в огромных меховых варежках тоже стали замерзать. Несмотря на то что сегодня над Пустыней царил чудесный безветренный день (надо сказать, большая редкость), весенний холод никуда не делся, и

работа – лучший способ согреться. Сверху донесся гулкий лязг: там несколько инструментариев колдовали со странным механизмом, который все почему-то называли «папочкой». Вечно сокрытый чехлом, он был для меня одной из самых больших загадок «Звездочки».

Глаза, хоть и защищенные сетчатыми очками, уже заболели от яркой белизны солнечной Пустыни. Так что к очистке хода я вернулся с облегчением.

Зазвенел металл, откалывающий наросший лед. Позади опять взревел бродун, на сей раз с нотками паники. Стиснув зубы, я продолжил работу. Не выйдет из меня охотника, никогда не выйдет. У меня сердце щемило от жалости к зверю, так неудачно столкнувшемуся со «Звездочкой». Но оспорить приказ капитана – это слишком смело для простого юнга. Поэтому оставалось лишь затолкать чувства куда подальше и посвятить себя работе.

Бродуны – очень красивые звери. Величественные, неторопливые корабли ледовых морей. Четыре лапы-столба, мохнатое, сильное тело и длинный, невероятно пушистый хвост. Мощная шея, вытянутая морда, заканчивающаяся твердым хоботом, и маленькие, грустные, черные глаза-угли.

Ирония судьбы – этим красавцам не страшны даже снежные львы, а вот люди... Мягкие, беззащитные перед клыками хищников люди – самый опасный враг.

Мне представилась жизнь бродуна. Степенная, размеренная. Неторопливые поиски сероватого льда (как раз под таким часто находились колонии волокунов, забивающих свои пещеры рыбой). И бесконечное путешествие от горизонта до горизонта, озаренное почти не греющими лучами солнца или же проходящее под колючими ударами вьюги, среди древних торосов и по снежным мостам над расщелинами. Знаете, иногда я ловлю себя на мысли о том, что этот мир был создан прежде всего для животных. Люди появились позже. И хоть легенды утверждают о первородности человека – мне кажется, все было совсем не так.

Взять хотя бы красный лед.

Белый кусок откололся, обнажив черный металл обшивки с ребристыми вкладками для удобной ходьбы. Я ногой столкнул обломок вниз, пропихнув между прутьями ограждения, и он гулко ударил по проходу следующей палубы, брызнув осколками. Ничего. Мне все равно потом внизу работать придется. Скину и оттуда.

Так вот... Красный лед. Людям он ничем не поможет. Этот мох (или растение?) пронизывающий многие ярды замерзшего панциря, можно попытаться сварить, но есть его все равно невозможно. А вот снежные олени, с невероятно вкусным мясом, держатся поближе к алым полям, облюбовывая их себе как пастбища. Но изначально же это был просто лед. Просто то, что уходит прямым в океан. При чем здесь, казалось бы, люди?

Или взять тех самых волокунов, живущих в толщах льда и редко выбирающихся наверх. Обладатели вонючего, противного мяса оказывались на столе людей в качестве пищи только в самые голодные дни, когда давно уже съедено все, что можно было съесть. Я слышал, что даже ледовые волки брезгуют охотой за подснежными жителями. Зато их рыбные хранилища, сокрытые в белой твердыне, – лакомая награда для бродунов. И получается, что волокуны были созданы для бродунов. Только те и разоряют холодные кладовые подледных обитателей.

Если задумываться дальше, то можно предположить, что бродунов и оленей боги сотворили для людей, а вот волокунов и алый мох – для бродунов и оленей. Рыба же и морская вода предназначались именно волокунам... Но это же безумная цепь, если вспомнить обо всех обитателях льдов. Все эти связи, кто кого ест и зачем, – не слишком ли сложно для разумного созидания?

Надо льдами пронесся предсмертный вопль бродуна. Могучая гарпунная пушка на лай-аре осечек не знала.

– Все, поймали, – сказал Половой. Он отлепился от поручня. – Теперь ждем ежедневного варева от мастера Айза. Бродунина с бродуниной, на бродуновом бульоне.

Я улынулся, почувствовав, как царапнул губы шерстяной шарф. Кок ледохода «Звездочка» не слишком усердствовал в разнообразии меню. Главное, чтобы еда просто была. Вотчина пухлого весельчака находилась на второй палубе. Место сборищ и раскаленных плит. Если хотите забыть о бесконечной зиме – добро пожаловать на жаркую кухню Валли Айза.

Сам кок работал на ней почти голышом, вечно мокрый от пота и с жизнерадостной улыбкой на круглом лице. По-моему, он был одним из первых корсаров, кого я увидел, выбрав путь юнги.

– Давай, Бауди, поторопись. И не забудь потом прибраться там. – Половой кивнул на проход второй палубы. – А то уже нагадил.

– Хорошо!

Охотники тем временем принялись разделявать тушу бродуна. Стараясь не смотреть в их сторону, я продолжил крайне интересную работу «настоящего моряка». Вообще когда только оказался на борту «Звездочки», мечтая о далеких странах, я сразу отметил идеальную чистоту. Теперь мне, новичку, доподлинно известно, сколько сил нужно потратить, чтобы добиться такого порядка.

И кто этим должен заниматься.

Первые несколько недель я даже разгибался с трудом. Поясница, спина, руки, ноги – у меня болела каждая мышца, каждый сустав. С утра до ночи я и мой друг, беглый воришка Фарриан ан Лавани, «знакомились» с недрами трехпалубного ледохода «Звездочка» при помощи тряпок, щеток, скребков и прочих инструментов уборки. Мастер Половой, старший матрос, поставленный над нами, гонял нас без жалости и какого-либо душевного трепета. Я бы даже сказал – нам доставалось больше остальных.

Но справедливости ради надо отметить: почти все моряки палубной команды частенько проводили время на карачках, драя коридоры и жилые залы. За исключением, разумеется, офицеров. Так что ничего постыдного в этом не было. Казалось бы.

Одной из первых истин мне открылось следующее: палуба на корабле – это государство в государстве. Со своими порядками, традициями и тающимися в темных коридорах демонами.

Когда я закончил наконец расчищать дорожку и спустился по внешнему трапу вниз, чтобы не проходить бесконечных коридоров «Звездочки», – тархтящий лайар привез последнюю партию нарубленного мяса. Моряки, перепачканные замерзшей кровью, возились у кормы ледохода, подготавливая суденышко к погрузке. Скрипел кран, звенели цепи, а внизу радовались тяжелому и удачному дню свежее испеченные охотники.

Я прошелся по проходу второй палубы, сбросив вниз обломки льда, и побрел к ближайшему тамбуру. С работой покончено, и если меня не поймает кто-нибудь из старших матросов – можно отобедать и спокойно предаться праздному отдыху в кубрике палубной команды.

Штурвал, отпирающий дверь в тамбур, загудел, проворачиваясь, и я шагнул прочь из ледяного мира в обитель тепла. Именно так пару месяцев назад мы с Фарри ступили на борт корабля, еще не зная, что судьба закинула нас к лихим владельцам Пустыни – ледовым корсарам.

Не могу назвать это время плохим. Отнюдь. Здесь я никому не был *должен*. Да, много работы. Но это работа, это труд, это справедливо. А то, что скучно... По мне, лучше поскучать, чем вернуться в те дни, когда надо мною висели тени Звездного Головача и пьяницы Эльма. Когда я оказался заперт в снежном городке и с ужасом ждал появления слуг Черного капитана, идущих по моему следу.

О том, чем занималась «Звездочка», я трусливо старался не думать. Был случай, полтора месяца назад. Обычный день вдруг преобразился. Ледоход встал, старшие матросы пробежали по палубе, запирая люки наружу и на другие уровни, а Половой собрал нас в кубрике и тщательно следил, чтобы никто не отлучился. Одноглазый корсар нервно теребил ключ от оружейного склада и вслушивался в рокот двигателей. Пираты палубной команды нервно

шутили между собой и тоже ждали, пока ледовые штурмовики капитана «договариваются» с владельцем пойманного судна. Кто-то надеялся, что сделка полюбивной не будет и абордажникам потребуется помощь (тогда в руки палубников попадет оружие). Кто-то, как и я, боялся.

Грохот моторов, свет шаманских фонарей над головами и напряжение, страх перед схваткой – я помню те ощущения. Мы не могли даже посмотреть, что происходит снаружи, – иллюминаторы были только в некоторых каютах штурмовиков на первой палубе да в рубке капитана. Обхватив колени руками, я сидел и молился всем богам сразу – и Темному и Светлому, – чтобы драка прошла без нашего участия. Вернее, без моего участия, хотя и понимал, что нет никакой разницы, возьму я оружие в руки или нет. Я – корсар. Тот, кто живет за счет чужого горя. Дело совсем неблагородное. Тогда мне хотелось как можно быстрее сбежать с корабля. Но вокруг на многие десятки миль не было ни единого поселения.

В тот раз обошлось. Капитан пойманного ледохода откупился частью груза и ушел, а мы, просидевшие в напряжении несколько часов, выползли наружу, чтобы перенести захваченное добро на корабельные склады. Ни капли крови не пролилось на ослепительный снег. Никто не остался лежать среди безжизненных льдов.

Но то было в тот раз...

Потом мы почти месяц простояли в Пустыне, в стороне от путевиков и проложенных трактов. Трехпалубный шапп спрятался в расщелине, подальше от чужих глаз, и ждал какого-то определенного груза. Старое место встречи, как с тоской звали его моряки.

Несколько дней назад к укрытию подошел черный шапп и выгрузил на снег три сотни мешков с зерном. Капитан «Звездочки» Аргаст Дувал по прозвищу Гром очень долго торговался с косматым, похожим на медведя командиром черного судна. Я наблюдал за этим с палубы, ежась от пронизывающего ветра. Ощетинившиеся оружием абордажники обеих команд стояли друг напротив друга, и посреди этой молчаливой угрозы резко жестикулировали два здоровяка. Торг длился около часа, и после того как владельцы кораблей ударили по рукам, мы спустились за грузом и оттащили его на теплый склад.

Интересно, откуда взялось столько зерна? Неужели там, на юге, есть такие большие теплицы?

Впрочем, это было несколько дней назад, и теперь мы двигались куда-то на юг, делая остановки вроде той, что сейчас. Теперь мы действительно были вольными бродягами Пустыни.

Не могу сказать, что мне это не нравилось.

«Кошки» повисли у меня на плече, дверь на вторую палубу отворилась, и я очутился в царстве теплых запахов. Этот тамбур выводил прямиком на кухню мастера Айза, большую часть времени колдующего над плитами. Ароматы сырости, варева, нечистых тел и острых ноток энговых смесей кружили голову. В прямом смысле. Затхлый зал, проветривающийся очень редко, посреди которого нахохлились плиты кока, был окружен лежаками механиков корабля, – а этот народец зазря не мылся, справедливо полагая, что все равно придется испачкаться.

Поначалу запах кухни был истинным испытанием, но со временем я привык. И сейчас, стоя в воняющем зале с низким потолком и переборками (чтобы беречь тепло от плит и печей), думал о том, что раз время ужина уже пришло, то можно заглянуть к корабельному коку за миской баланды. Грубое, конечно, словечко. Да, мы частенько ворчали на старину Валли, но исключительно в дань традиции. Готовил он на самом деле очень вкусно.

– Мастер Айз! – окликнул я здорового кока, работающего, как водится, с голым пузом и со смешным колпаком на бритой голове. – А можно...

– О! Бауди! Не можно, а нужно! – Он обернулся, махнул рукой, в которой был зажат половник, в сторону стоящего у плиты подноса. – Бери и дуй к шаману, поняло? Пусть оно пожрет, да?

Я сокрушенно вздохнул, но спорить не стал. Юнга делает все, что приказывают старшие матросы или офицеры. Валли Айз, как кок, принадлежал к касте последних.

– Я тут «кошки» оставлю с паркой?

– Оставляй, чудо. Поторопись, остынет!

Он забыл про меня в ту же секунду, как я коснулся подноса. Работы у кока хватало.

Корабль содрогнулся, взревел и тронулся с места. Звякнула посуда, сваленная горой в мойке, задрожали кастрюли и чаны, сложенные в нависающий над плитой отсек. Я пошатнулся, схватившись за стол.

– Дранный демон, – сорвалось с губ.

Меня ждала нижняя палуба.

Как я уже говорил, каждый уровень пиратского шаппа – это свой, особенный мир. Есть первая палуба, вотчина офицеров и ледовых штурмовиков, украшенная коврами и диковинными шкафчиками из дерева. Всегда светлая, всегда тихая, если плотно прикрыты двери в небольшой тренировочный зал. Трехместные каюты абордажников, отдельные покои офицеров – постоянный двор на гусеницах, а не боевая палуба. Чуждый для простого моряка мирок с отдельной отопительной котельной.

Из палубной команды наверху чаще всего бывали стюарды. Самая замкнутая и оторванная от простых пустынников группка. У нас в общей зале спал только один из них – старший матрос Ворчун, остальные держались поближе к офицерам, прикрепленные каждый к своему «хозяину».

Стюардов в команде недолюбливали. Может быть, из зависти, а может быть, из-за очевидного примера, как может извратиться вольная жизнь странника Пустынь. Был ты свободным человеком – и вдруг стал личным рабом какого-нибудь головореза. Пусть еда лучше, работы меньше, но ты себе уже не принадлежишь. Ты – стюард.

Меня передергивало от перспективы оказаться среди офицерских слуг. Вторая палуба казалась мне значительно милее. Все ее запахи, все шумы, темные закоулки и старые топчаны общих залов были частью мира простого моряка или техника. Здесь всегда бурлила жизнь. Даже ночью. Слышались беседы у печек. Шатались по темным коридорам обходчики или ремонтники. В столовой, неподалеку от кухни мастера Айза, постоянно торчал кто-то из ледовых штурмовиков, соскучившихся по общению с «простыми людьми».

Первая, вторая палубы – вот она, корабельная жизнь. Настоящая. И в пике ей существовал нижний уровень «Звездочки».

Я остановился на последней ступеньке трапа, ведущего в темный коридор технической палубы. Ненавижу это место и считаю его самой зловещей частью корабля. Царство грохота, с которым не справлялась даже усиленная обшивка перегородок. Я чувствовал, как ярдах в двадцати от меня, за могучими боками шаппа, перемалывают вековой лед огромные траки. Судно тряслось и подрагивало из-за неровностей Пустыни, и ему вторило тихое позвякивание крышки на кастрюле да дрожь зубов.

«В этой темноте кто-то есть».

Я сошел с трапа в пахнувший маслом и гарью мир корабельных механиков, оказавшись на территории мрака, затхлого воздуха и резких звуков. Очень странное место облюбовал себе старый корабельный шаман. Нездоровое. Перехватив поудобнее поднос, я с тоской посмотрел вперед, туда, где кончалось пятно света от фонаря и начиналась тьма. Вдоль коридора тянулась труба отопления, покрытая старыми тряпками.

Пол под ногами дрожал, и я шел очень аккуратно, ожидая в любой момент резкого толчка или удара. Позади сквозь переборки доносился грохот расположенных на корме двигателей.

Балиар ан Вонк – самый чудаковатый человек на борту «Звездочки». Даже полубезумные инструментари, большую часть дня проводящие здесь, среди механизмов, предпочитали

спать на второй палубе, где грохота моторов еще можно научиться не замечать (хотя, несмотря на многослойные перегородки, гремело там сильно).

Старый шаман почти никогда не покидал черной палубы.

Оказавшись на границе света и тьмы, я перевел дух. Теперь поворот направо. Там будет безликая дверь в технические помещения и узкий закуток, в котором должен гореть фонарь. Если он еще работает – хорошо. Если нет, то на ощупь в закуток и вдоль стенки налево, дальше – переход в другой коридор. Там будет еще один, и я его увижу, если не погас фонарь. Инструментарию дотошно проверяют каждый механизм на своей палубе, следят за любой мелочью, связанной с сердцем корабля. Однако освещение коридоров к их интересам не относится. Капитан Аргаст Дувал как-то умудрился заставить их самостоятельно убирать свои проклятые коридоры, чтобы держать палубную команду подальше от секретов инструментариев, но вот битву за фонари вне технических лабиринтов проиграл. Так говорили в кабаке «У Полового» (как в шутку называли печь посреди жилого зала простых моряков, у которой постоянно грелся кто-то из старожил и с охотцей делился жуткими историями да легендами «Звездочки»).

Одна из страшных сказок гласила, будто на третьей палубе обитают души погибших моряков. Тех, кто настолько прикипел сердцем к бывалому шаппу, что даже после смерти оставался на борту. Меня страшилки не трогали. Опыт подсказывал, что от живых гораздо больше неприятностей. И я с большей радостью встретился бы в темном коридоре с духом мертвого моряка, чем с тем, кого увидел в проходе к каюте шамана.

Под мерцающим фонарем, прислонившись к переборке, стоял ученик Балиара – Зиан ан Варр. Тощий, как древко алебарды, в роскошной распахнутой шубе. Вытянутое лицо с надменно поджатыми губами, темные провалы пустых глаз с вечно розоватыми белками от пагубного пристрастия к алому камню.

Он о чем-то переговаривался с механиком, лицо которого было тщательно обмотано грязными тряпками, а глаза скрывали огромные защитные очки. Инструментарию явно хотелось уйти подальше от скучающего Зиана, но он терпеливо изображал интерес к беседе.

Ан Варр – один из демонов «Звездочки». Желтое пятно на свежевывавшем снегу. Избалованный лицемерный ублюдок, которого ненавидела большая часть палубной команды и опасались механики. Лихих штурмовиков он задирать не смел, а при офицерах имел вид придурковатый и благоразумный. Ему хватало ума не нагнеть и держать себя в руках, и потому меня колотило от бессильной ярости, когда я видел Зиана в компании с кем-нибудь из власти поддерживающей на корабле пиратов.

Было в нем что-то необъяснимое, что-то такое, чего нельзя описать словами. Удивительно, но он ни разу не задевал меня. Ни разу не трогал, но я его ненавидел. Просто за то, что он был. Досадное, глупое чувство. И даже сейчас я не могу понять, отчего оно тогда возникло так ярко, так невыносимо важно.

Надо сказать, что Фарри на тот момент уже как-то получил свою дозу подлости от «привилегированного» пассажира. Не сильно, не очень обидно, обошлось внеочередными работами на гальюне. Такими незначительными достижениями могли похвалиться немногие палубники. Обычно расплата за шалости молодого шамана была куда строже. Кое-кто при виде Зиана вздрагивал и прятал глаза, вспоминая что-то из прошлого. Историй этих никогда не рассказывали в нашем «кабаке». Но они всегда были где-то неподалеку.

У печки Полового говорили, что когда-нибудь капитан узнает о бесчинствах юнца, говорили, что тогда все станет иначе. Но люди опытные, пересекающие Пустыню уже не один год, лишь хмыкали и напоминали, что свободные шаманы, пусть даже такие неприятные, как ан Варр, у путевых столбов не валяются, а гильдейские стоят так дорого, что капитан Гром и дальше будет путешествовать с закрытыми глазами и с затычками в ушах.

Зиан, скучающий в проходе, увидел меня и некрасиво улыбнулся. Словно кто-то прорезал дугу на его прыщавом круглом лице. Его уныние, неприязнь к механике и злость на учителя моментом растворились в новой эмоции. Но это была не та радость, которую испытывают от встречи с приятелем. Так ликуют грабители, зажавшие в переулке богатую добычу. Или циркачи, выходящие на помост перед зрителями.

Тело как оледенело. Очень хотелось развернуться и уйти, лишь бы не проходить по узкому коридору мимо затаившегося мерзавца. Из-за подноса мне пришлось бы хитро маневрировать, лишь бы не задеть Зиана. И ан Варр это понимал. Он улыбался, ожидая кульминации и развязки.

«Тебе придется потесниться, Эд. А это значит, что ты проиграл. Что ты выполняешь его волю».

Я прогнал гордыню прочь. Разумнее всего было заткнуть ее и пройти через пустяковое испытание. Подумаешь, ерунда какая-то, мелькнуло в голове.

«Не ерунда!»

Инструментарий чуть потеснился, пропуская меня. В его очках показалось мое отражение. Напряженное лицо, почти каменное. Угрюмый взгляд. Я и правда так выгляжу? Расслабься, Эд! Немедленно расслабься, не то он все поймет. Поймет, что ты его боишься.

«Разве?»

Чуть приподняв поднос, лишь бы не задеть Зиана, я попытался протиснуться мимо.

– Пстой, юнга! – вдруг сказал шаман. – Что же ты несешь? Неужели с кухни прислали помой для нашей свинки?

Он покосился на инструментария, ожидая реакции на шутку. Тот неуверенно хмыкнул и чуточку сжался, мечтая юркнуть куда-нибудь в темный угол.

– Это ужин для мастера Вонка, – сказал я.

– Мне кажется, что именно это я и сказал! Дай взглянуть, чем кормят старого безумца.

Он бесцеремонно протянул руку и стянул крышку с кастрюли. Я попытался отшагнуть, но Зиан ловко вцепился свободной рукой в поднос и вонзил в меня взгляд.

– Не дергайся. Уронишь.

Затем он с заговорщицким видом посмотрел на механика, подтянул поднос к себе поближе и смачно харкнул в парящее мясо.

– Немного приправы от ан Варра. Все для любимого учителя.

Несколько мгновений я приходил в себя от шока. Поднос показался очень тяжелым, словно в слюне обсосанного любителя алого камня содержались тысячи фунтов горной породы.

– Иди уже, чего стоишь, юнга.

Лязгнула вернувшаяся на место крышка.

– Ты больной? – вырвалось у меня. Глупое, беспомощное. Мне стыдно за то, как я тогда отреагировал, но ничего лучше детского «ты больной» в тот момент не нашлось. Увы, я никогда не умел отвечать остротами. Это талант Фарри, а не мой.

– Да брось ты, пусть откусает мяса, чего ему станется. Главное, как мне видится, чтобы он не попросил меня разжевать ему пищу. Но пока зубы старика еще на месте. Справится, как думаешь?

Зиан посмотрел на инструментария, надеясь, что его искрометная шутка не прошла незамеченной.

– Надо идти, – буркнул тот. – Срочно.

Он, мысленно давно уже просчитавший каждый шаг до ближайшей двери, рванул с места и быстро скрылся в одном из подсобных помещений, впусив в коридор лязг машин.

– Струсил, – сам себе прокомментировал это Зиан. Взгляд шамана блуждал под действием алого камня. Он катал наркотик во рту, пытаясь вспомнить имя безвестного механика,

и совсем не думал обо мне, а я боролся с закипающим внутри гневом. Не надо обзаводиться врагами так скоро. Не надо!

«Ты не сможешь. Ты везде найдешь себе неприятности, Эд. И кто-нибудь непременно пострадает. Непременно!»

От него несло давно не мытым телом. Запах перебивал даже привычный для третьей палубы смрад энгу и ее смесей. Он вонял даже больше, чем инструментарии.

– Ты чего творишь? – вырвалось у меня. Разум пал на колени, пораженный возмущением и гневом. Логика отступила.

Он с недоумением посмотрел на меня, затем на оскверненный котелок с мясом, но промолчал, искренне не понимая моего возмущения.

– Я говорю, чего ты творишь?! Это ужин мастера ан Вонка!

Зиан опять не произнес ни слова, бессмысленно улыбаясь. Шаркуний сосатель камня! Хотелось сказать ему что-нибудь обидное, злое, пробудить совесть, если она у него вообще есть. Где-то на краю сознания я понимал: никто не поверит в то, что Зиан плюнул в ужин учителю. И уж тем более сам добряк Балиар не поверит. Свидетель-инструментарий рисковать не станет и затеряется среди собратьев, так что я никогда не узнаю, кто он вообще был.

Я стоял в коридоре, держа поднос с испорченным мясом, и пытался придумать, как быть дальше. На миг во мне появилась мысль, что пусть сами разбираются друг с другом. Мое дело – отнести ужин. Что там с ним сделают по дороге – не суть важно. Пусть хоть яд сыплут, какая мне разница?

Но эта слабость жила во мне только один миг. Может быть, лучше всего ей было и победить, не знаю. Потому что в следующие несколько минут мною безраздельно владел гнев.

– Совсем ум потерял, камнесос поганый, – прошипел я и ткнул Зиану подносом в грудь. Тот опешил, распахнул глаза в изумлении. Кастрюлька перевернулась, и парящее мясо с бульоном пролилось ему на одежду.

Вскинув руки, ан Варр уставился на то, как по его дорогой шубе стекает жир. Потом поднял взгляд на меня.

– Ой, простите, – процедил я и нагло встретил его взор.

– Я это так не оставлю, запомни.

Блуждающий взгляд сосателя прояснился.

– Понял, палубник? Ты зря так поступил. – Зиан приоткрыл рот, показав гниющие зубы. – Очень зря.

– В следующий раз будешь думать, прежде... – не мог смолчать я.

Ученик шамана подался вперед и попытался достать меня кулаком, но я легко угадал его движение, отшатнулся и в свою очередь приложил его в скулу. Не больно, но обидно. Слишком не больно. Руки чесались страшно, честное слово. Хотелось размазать недоноска по коридору. Накопленная за последние два месяца ненависть рвалась наружу, словно получив единственный шанс.

«Помни об Эльме. Ты же не хочешь стать таким же?»

– Ах ты, шаркуний выродок! – взвыл Зиан и отпрянул. – Поганая шавка!

Я неторопливо поднял поднос с кастрюлей и пожал плечами, буркнув:

– Зато у меня хотя бы мозги имеются!

Он услышал это сквозь гул двигателей и заскрипел зубами, а я, наслаждаясь его обидой и возмущением, зашагал по коридору в сторону трапа. Ноги и руки потряхивало лихорадкой драки, но я знал, что уйду победителем.

– Я этого так не оставлю, палубник. Ой, не оставлю, – прошипел мне в спину Зиан. Он скрестил на груди дрожащие руки и тщетно пытался успокоиться. Уголок его рта предательски подергивался.

– Напугал льва морозом, – сорвалось с моих губ.

И тут мне в шею что-то противно шлепнулось, отчего по телу пробежали отвратительные мурашки. Меткий гад умудрился забросить мне за шиворот жирный кусок мяса. Мерзкий, царапающий кожу налипшей грязью. Я обернулся, отбросил в сторону поднос и двинулся к прищурившемуся Зиану.

Он не проронил ни слова. Он попытался закрыться от моих ударов, но ни разу не атаковал. Я понял почему, лишь когда услышал удивленный старческий возглас:

– Что здесь происходит?

На пороге своей каюты стоял Балиар ан Вонк с фонарем в руке. Добродушное лицо пожилого шамана вытянулось от изумления. Он переводил взгляд то на разбрызганный ужин, то на меня, прижавшего Зиана к стене.

– Я и сам хотел бы это знать, учитель! – сказал ан Варр. Он отстранился от меня, повернулся к шаману лицом и развел руками. – Посмотрите, что он сделал с моей шубой?

Гнев во мне сошел на нет, лишив сил и разума. Я понял, что потерял инициативу, что погорячился. Осознал, что никто не услышит моей жалобы на то, что ужин был безнадежно испорчен плевком Зиана. Мало того, меня скорее всего еще и осудят, посчитав за ябеду. Вместо этого я угрюмо стиснул челюсти и встретил осуждающий взор старого шамана.

– Все не так, как выглядит, – жалко проговорил я и заткнулся.

– Я не хочу разбираться в этом, я видел то, что видел, и не видел того, что было до этого, – сказал старик. – Но ты, малыш, знаешь законы «Звездочки».

Он смотрел на меня, ожидая реакции, и я покорно кивнул, понимая, что меня ждет.

Глава вторая

Возмездие

Капитан Аргаст Дувал был крепким мужчиной, едва перевалившим за четвертый десяток и собиравшимся бороздить Пустыню еще лет двадцать как минимум. Владелец пышной черной бороды, сросшихся на переносице густых бровей и усталого взгляда холодных серых глаз отличался глубоким басом, суровостью нрава и звериной осторожностью. Любитель хорошо выпить во время скучных будней, сегодня он еще был трезв и только собирался запереться у себя в каюте и насладиться настойкой, но его планы рухнули, когда старый шаман поднялся со мною и Зианом в пристройку на верхней палубе и бесцеремонно вошел в покои капитана. Из своего угла на шум выглянул стюард Дувала рябой Кунни, но тут же исчез за ширмочкой, едва поймал недовольный взгляд хозяина.

Развалившись в богато украшенном кресле, капитан Гром с сомнением смотрел на меня и Зиана. Инцидент чуть скрасил серые будни, но радости не прибавил. Хозяин «Звездочки» почти не скрывал своей неприязни к ученику шамана, но при этом сдерживался от открытого одобрения моего поступка. Выслушав рассказ Зиана о том, как юнга толкнул подносом преданного ученика почтенного Балиара, а потом и вовсе набросился на добропорядочного ан Варра с кулаками, капитан спросил мою версию, и тут меня как заморозило. Я молчал, насупившись и опустив взгляд. Лишь кулаки сжимал да мечтал, чтобы этот момент поскорее завершился, чтобы он остался в прошлом.

Что я мог тогда сказать? Ничего. Лишь признаться в собственном гневе.

«А ведь это он и был, мальши. Именно гнев».

Капитану пришлось повторить свой вопрос ко мне трижды, прежде чем я выдавил из себя:

– Вспылил. Виноват.

Зиан при моих словах победно улыбнулся.

Аргаст Дувал переводил взгляд с меня на Зиана, и чувствовалось, как в голове капитана неохотно крутятся мысли. Около минуты он молчал, размышляя. Никто не посмел прерывать затянувшуюся паузу.

– Даже не знаю, что с вами делать, промерзлое вы мясо.

– Закон показывает... – заговорил Зиан.

– Закрой свою пасть, – поморщился Аргаст. – А не то я подтащу тебя, оледеневшее ты дерьмо, поближе и посмотрю внимательно в заплывшие глазенки. Как думаешь, что я там увижу?

Молодой шаман побледнел от возмущения и быстро склонил голову, чтобы не выдать себя. Розоватые следы алого камня, отличающие поклонников этого наркотика, еще не растворились, и Зиан об этом знал. Гром несколько секунд буравил его взбешенным взглядом, а затем посмотрел на меня.

– Теперь ты, мясо. Третий пункт корабельного закона гласит: поднявший руку на товарища по команде должен быть наказан десятью ударами плети перед всей командой. Ты должен был ознакомиться с кодексом, когда тебя брали на борт. Надеюсь, ознакомился?

Честно говоря, я этого совсем не помнил. Мы лишь поставили подписи там, где указал боцман. Так сложились обстоятельства, что первой целью было сбежать из Снежной Шапки. Все остальное казалось несущественным.

Однако я торопливо кивнул, лишь бы не злить бородатого корсара.

– Хорошо. Так вот, все мордобойные споры пусть разрешаются в портовых кабаках, будь они прокляты, а не на борту «Звездочки». Там хоть поубивайте друг друга, а в походе – гребанный закон есть гребанный закон. Понял меня, шаркунье ты мясо?

– Да, капитан!

– Балиар! – не отрывая от меня взгляда, рыкнул Аргаст.

Старик Балиар ан Вонк улыбался и качал головой, совсем не слушая капитана. В мыслях он был где-то далеко.

– Балиар, старая ты корова, слышишь меня?

Шаман вынырнул из забытья и воззрился на Дувала. Тот поиграл желваками и, стараясь говорить спокойно, спросил:

– Ты точно видел, как этот сопляк метелил твоего ученика?

– А? Что? Да-да, конечно, – подслеповато шурясь, закивал шаман. – Посмотри на его шубу, Аргаст.

Дувал с трудом удержался от улыбки.

– Значит, завтра днем получишь то, чего заслуживаешь, мясо, – громыхнул Аргаст.

Я молчал, исподлобья оглядывая его богатую каюту. Здесь было уютно и просторно. На стенах красовалось разнообразное оружие – от дальнобоев разных видов, копий, гарпунов и алебард до узких клинков и массивных боевых ножей. У окна (самого большого из тех, что я видел на корабле), за которым во льды садилось солнце, висела пара картин. А за закаленным стеклом, с тройной рамой, виднелся купол носовой рубки и фигура дежурного рулевого.

Справа от меня стоял Зиан с ледяным выражением лица, и его вид без слов говорил, что история с ним не закончится капитанской карой. Что меня ждет много чудесного в ближайшем будущем. Признаюсь, это были неуютные мысли. Но на краткий миг справедливость восторжествовала, пусть и стоила мне десяти плетей.

Десять плетей. Наверное, это будет больно. По спине пробежались мурашки.

– А теперь выметайтесь отсюда и дайте мне отдохнуть, – подытожил капитан и пошевелился в кресле, посмотрев в сторону шкафа с запечатанными кувшинами. – Мне, ломаные траки, надо подумать. Кунни, тащи сюда карты!

В проходе мы с Зианом столкнулись плечами, и ученик шамана чуть слышно произнес:

– Жди.

Он протиснулся в проем и торопливо зашагал по коридору прочь от каюты Дувала. Я задержался у двери и почувствовал легкую руку Балиара на своем плече.

– Принесите мне мой ужин еще раз, молодой человек. Если вам, конечно, не трудно, – сказал улыбающийся шаман. – И прошу вас, уберите, что там разлилось. Сами понимаете, запах. Он мешает моей работе.

– Хорошо, мастер ан Вонк, – сказал я и пошел к трапу на вторую палубу. Запах? Да там, на нижнем уровне, так воняло смесями энгу и парами различных зелий инструментариев, что несколько кусков мяса погоды не сделают. Даже если сгниют!

Запах, тоже мне...

Я побрел на кухню.

Здесь, на борту ледохода, не было определенного времени для еды. Чаны с варевом стояли на медленном огне все то время, пока бодрствовал мастер Айз. Но всегда была вероятность того, что в похлебке не останется кусков мяса и придется довольствоваться бульоном. Так что большая часть команды торопилась на ужин сразу после того как раздавался сигнал кока. Толстяк брал в руки тяжелый стержень и со всей мочи колотил по болтающемуся рядом с ним рельсу. Заветный лязг быстро растекался по второй палубе. На штурмовую же, к абордажникам, спешил с вестью тот несчастный, кого занесло на камбуз первым. Механиков, отдыхающих вокруг кухни, кок никогда не трогал.

Столовая у вотчины Айза делилась на две части – общую и крошечную офицерскую, сокрытую потасканной ширмой. Когда я вошел в обитель кока, ткань в командирском уголке была отодвинута в сторону, и я заметил сразу двух офицеров, склонившихся над мисками.

Обмениваясь скухими фразами, они уничтожали ужин, словно выполняя некую повинность, которую нужно сделать быстро и качественно.

– Ты долго, – заметил толстяк, когда я оказался около плит.

– Я разлил ужин. – В принципе это была правда. Делиться всей историей я не хотел. Завтра команда и так узнает о происшедшем. – Споткнулся... Шаман попросил повторить.

– Раззява, – скупающе и снисходительно отметил Айз. – Выдрать бы тебя, по-хорошему. Сейчас посмотрю, осталось ли что...

Я промолчал, глядя, как он открыл крышку одного из чанов и принялся вылавливать в нем куски мяса. Судя по тому, что возилсякок приличное время, их осталось не так-то много.

У меня из головы не шла последняя фраза Зиана. Глупо было надеяться, что молодой шаман оставит меня в покое или что в нем иссякло воображение на гадости. Скорее всего, тщедушный ан Варр бросится к своим друзьям, жаловаться. И даже если Волку и Сиплему, офицерам абордажной команды, не захочется тратить свое время на новенького юнга, у Зиана есть самый важный козырь: алый камень, ради которого головорезы пойдут на все.

Миска с мясом стукнулась о стойку, привлекая мое внимание. Айз внимательно посмотрел мне в глаза:

– В этот раз не *пролей*.

Он так выделил это слово, что я вспыхнул от возмущения. Добродушный кок был убежден, что ароматное мясо осело у меня в желудке, а не погибло в грязи нижней палубы.

– Зря я тебя отправил голодным, юнга Эд. Моя вина. Будет урок.

Едва сдержавшись, чтобы не начать оправдываться, я развернулся и двинулся к трапу, проклиная про себя этот явно неудачный день и мечтая, чтобы поскорее наступило завтра, когда капитан объявит о наказании и хотя бы это сотрет из души Айза противную жалость ко мне.

Но перед тем как я ушел, в офицерской столовой произошло нечто странное. Нечто, чему я не мог дать объяснения. Один из офицеров, лейтенант абордажников по прозвищу Старик, швырнул свою миску в лицо сотрапезника.

Первый помощник капитана Мертвец моргнул, стряхивая с ресниц жирные капли, на пару мгновений его взгляд остекленел, но затем вернул привычную невозмутимость, и седовласый моряк с вечно ехидно-равнодушными глазами продолжил ужин, будто ничего не произошло. Плечистый Старик, едва сдерживаясь от ругани, вскочил на ноги, бросил гневный взгляд на меня – и я поспешил ретироваться, пока абордажник не сорвал свой гнев на нерасторопном юнге.

О происшедшем я быстро забыл. Мне было о чем подумать и без этого странного случая. Меня ждали перемены.

Удивительно, но в те долгие часы перед наказанием я больше всего переживал за то, что обо мне подумал мастер Айз. Вместо того чтобы ждать в темных закутках оскалов Волка и Сиплого или бояться неумолимой кары, я вел про себя воображаемый диалог с коком, убеждая его в том, что он ошибся. Что это унижительно, когда про тебя так думают. Что нельзя судить человека так сразу.

Мне грозили десять плетей и месть старших офицеров, а я переживал о том, что обо мне подумал кок. Странно. Но так оно и было.

– Ты сумасшедший, Эд, – сказал мне Фарри, когда вечером мы залегли на свои топчаны и разговорились. Ночная вахта нам в тот раз не грозила, и потому мы могли спокойно поболтать, пока нас не сморит сон. К сожалению, это случалось не так часто, как хотелось. Старшие офицеры всегда находили работу для юнг, считая, что таким образом мы быстрее станем частью команды и наберемся необходимого опыта.

После того как «Звездочка» ушла в поход, общий зал переменялся. В нем появилось несколько десятков перегородок, призванных удержать драгоценное тепло. В какие-то закутки

нужно было заходить нагнувшись, настолько низко спустили потолочные плиты. Некоторые и вовсе закрыли. Лабиринт тесных комнатшек-коробок, отделенных друг от друга переборками, крутился вокруг четырех боковых печей и одной центральной. Тепла нам хватало, и порою за ночь не стирала и половина отведенной для отопления энгу.

В нашу каморку, расположенную по прямой от главной печи, даже попадал свет от пламени. И сейчас я лежал на спине, а на темном металле низкого потолка плясали отраженные огоньки «кабака». Если повернуться на правый бок, можно было разглядеть нацарапанные на переборке послания неведомых мне моряков. Одна запись особенно запала в душу. «Я выберусь», – аккуратными буквами вывел неизвестный корсар. В этих двух словах была невероятная сила. Они врезались в память на всю жизнь.

Но сейчас, повторюсь, я смотрел в потолок и слышал возбужденный голос Шона да ехидные комментарии моряка по имени Сабля. Слов его с наших лежаков было не разобрать, но интонации светловолосого матроса узнавались на раз-два. Резкий моряк был родом откуда-то с юга и нередко по делу и без задирали то одного, то другого соратника. В нем странным образом уживалась ненависть к людям и страх перед ними. В глазах вечно плескались вызов и готовность влезть в драку по любому поводу. Но он бравировал, успешно скрывал свою неуверенность в себе и даже не догадывался, что его тайна уже известна новенькому юнге-эмпату.

Снаружи мороз грыз борта корабля, тщетно пытаясь прорваться внутрь. Ветер завывал над раскачивающимися мачтовыми фонарями, бился секущей метелью о стальные листы зачарованной обшивки и надеялся прорваться к людям. Так хорошо, когда безумный холод остается по ту сторону стен. Кстати, одним из открытий для меня стало, что такие ледоходы, как «Звездочка», – это не просто железные коробки на гусеницах. О, сколько всего скрывалось под броней ледовых кораблей. Например, многослойные листы обшивки, между пластами которой попадались то пустоты, то забитые колючей тканью щели. Вдоль них шли тамбуры, где едва-едва работала система общего отопления. Но этот прохладный воздух защищал от мороза сами каюты, где в основном топили небольшими печками. На храмовом ледоходе Кассин-Онга, оставшемся в прошлом, таких ухищрений не было.

Со стороны все кажется проще и понятнее, а когда ты оказываешься частью ледохода, когда он становится обыденностью – узнаешь много нового. Как-то раз мне довелось помогать вытаскивать какой-то старый механизм на палубе инструментариев. Лопнувшая пружина титанического размера, которую два дня меняли чумазные техники. Кто-то из механиков, глядя на мое изумление, снисходительно сказал тогда:

– Не будет ее – корабль станет ходить по льду как старое корыто, и вы тут все заблуете. Я видел, я знаю.

Я лишь покачал головой, не веря. Трясло и так знатно. Первые пару дней, пока мы шли к месту встречи, еда в горло действительно не лезла. Хотя после стало проще. Может, действительно дело было в пружине?

– Напасть на Зиана... Ну ты просто огонь! – вновь выдернул меня из теплых размышлений Фарри.

– А что мне было делать?! – Под тяжелым одеялом меня разморило. Голоса моряков у «кабака» усыпляли.

– Ну я не знаю, Эд! Вариантов можно придумать предостаточно! А ты выбрал самый сомнительный из них. Хотя что я говорю! Ты же его и убить мог, ведь правда? Выследить и жестоко покарать, хе-хе.

Я повернулся на бок и пожал плечами, понимая, что Фарри не увидит равнодушного жеста. Намека на смерть Головача сложно было не заметить, но такие вещи лучше пропускать мимо ушей. Что случилось – того уже не изменишь. Хотя если бы время обернулось вспять – я поступил бы так же.

– Уходить с корабля надо, Эд, пока ты еще во что-нибудь не ввязался, – прошептал мой друг. – Мы только время теряем!

– В Пустыню уходить? – Мне не удалось сдержать скепсиса.

Фарри засопел.

– Ну, не в Пустыню, конечно. В ближайшем городе! Просто пока мы тут катаемся, ты себе опять врагов заведешь! Ты же умеешь ими обрастать.

– Ты не знаешь, что происходит между Мертвецом и Стариком? – Я попытался сменить тему.

– А что такое?

Пришлось поведать ему о той сцене, которую я увидел на кухне.

– Ого! – восторженно зашептал Фарри. Он, как человек общительный и любопытный, обожал поковыряться в таких историях. Юнга быстро сошелся почти со всеми моряками палубной команды. Среди его знакомых числились и ледовые штурмовики и механики. Рыжеволосый, улыбчивый мальчуган постепенно становился вселюбимым сыном «Звездочки». И в то же время вряд ли кто-то, кроме меня, знал о том, как сильно Фарри хочет продолжить наше путешествие в Барроухельм, а не ходить в команде ледовых корсаров по Пустыне.

– Так знаешь что-то об этом?

– Старик и Мертвец друг друга недолюбливают, это всем известно. Но чтобы так вот, прилюдно... Завтра поспрашиваю ребят с верхней палубы, может, знают чего. Ой, как интересно-то! Чего же не поделили они, как думаешь?

Я промолчал. Размолвка офицеров волновала меня в последнюю очередь. Зато Фарри отвлекся от обсуждения моего сегодняшнего срыва.

Интересно, это будет очень больно?

– Мастер Айз теперь думает, что я съел ужин шамана, – поделился я наболевшим. Фарри мигнул пару раз удивленно и расплылся в недоуменной улыбке:

– А тебе не все ли равно, что думает о тебе какой-то кок?

– Обидно, знаешь ли. Неприятно, когда о тебе могут подумать так плохо.

Мой друг тяжело вздохнул и неожиданно серьезно проговорил:

– Когда я путешествовал с цирком Аниджи – у нас в труппе был фокусник один. Он почти ни с кем никогда не разговаривал, но однажды во время истории... все равно какой истории... сказал мне – если хочешь жить счастливо, никогда не ищи одобрения других людей. Есть только боги – и ты. Остальное преходяще.

– И ты с этим согласен?

Фарри помолчал, а потом буркнул:

– Давай спать уже! А то наговоримся сейчас до кошмаров. Тебе предстоит несколько непростых дней, пока будет заживать спина. Уверен, Половой тебя жалеть не станет.

Он нырнул с головой под грязное одеяло и почти моментально засопел. Я с тяжелым вздохом перевернулся на спину, чувствуя неровности жесткого лежака. Поерзал.

Да, наверное, будет очень больно...

– Вы должны помнить, сучьи вы дети, что вы – команда! – громыхал Дувал. – Гребаная команда, а не шайка оледеневших на голову бандитов! Я не потерплю у себя на борту ваших вакханалий! Закон один для всех!

Лавки и почти все столы, кроме одного, оттащили к стенам, чтобы освободить площадку. Также механики повесили побольше фонарей на стропила, и непривычно яркий свет с потолка заставлял щуриться, словно солнце застало тебя посреди Пустыни.

Экипаж «Звездочки» распределился вдоль стен и терпеливо ждал начала, а я пытался понять, кто из инструментариев видел происшедшее на нижней палубе. Мне хотелось поговорить с ним. Но либо он не пришел на мое наказание, либо никаких сожалений не испы-

тивал. В последнее я мог поверить. Зачем думать о каком-то палубнике. Это же недолуды, как известно всем на борту.

Я стоял в центре зала, рядом с капитаном и его помощником, и чувствовал заинтересованные взгляды призванных зрителей. Они догадывались, что сейчас будет, и им, как мне показалось, было плевать, чем все закончится. Зато всем им хотелось знать – за что здесь оказался юнга.

В руках Мертвеца безвольно болталась плетка. Я посмотрел на нее, затем отыскал в толпе Фарри. Приятель ободряюще улыбнулся и поднял на уровень глаз сжатые кулаки. Держись, мол, добрый Эд ан Бауди.

За спиной Фарри стоял Половой и задумчиво поглаживал изуродованную глазницу.

– Вызываю Зиана ан Варра. Выходи! – сказал Гром.

Тщедушный шаман отлепился от стенки, у которой о чем-то тихо переговаривался с дружками. Я чувствовал их злые мысли. Коренастый бритоголовый Волк кривился, отчего шрам, пересекающий все лицо, бледнел. Его маленькие глазки не отрывались от меня, и в них жила слащавая ярость. Он представлял, что со мною сделает. Его тень – Сиплый, здоровяк футов шести ростом с пышной белой шевелюрой, спадающей ему на широкие плечи, – скрестил на груди руки, с насмешкой оглядывая инструментариев.

– Твои обвинения, Зиан!

– Он ударил меня! – громко сказал ученик шамана и обернулся, чтобы показать всем синяк под глазом. – Ударил несколько раз! Сначала вылил на меня ужин уважаемого Балиара, а потом и вовсе обезумел!

Наступила удивленная тишина. Я никому, кроме Фарри, не рассказывал о своем поступке, да и Зиан, видимо, не распространялся, так что для команды новость оказалась сюрпризом. Айз, за которым я наблюдал с того момента, как кок появился в столовой, удивленно поднял брови. Да-да, мастер Айз. А ты думал, что этот юнга просто воришка чужой еды, да? И как тебе такое?

«Нехорошо так думать, Эд».

– Я вызываю Балиара ан Вонка, – громыхнул капитан.

– Но прежде я хочу сказать, что не держу зла на малыша, – неожиданно продолжил Зиан. Он посмотрел на капитана со всем смирением, на которое был способен. – Может быть, я чем-то мог его спровоцировать на этот шаг. Я не знаю, увы. Мне кажется, что десять плетей – это слишком жестоко. Но закон есть закон, и воля капитана священна.

Он поклонился и отошел к абордажникам.

Гром поиграл желваками и повторил:

– Я вызываю Балиара ан Вонка.

Старый шаман сидел на одной из лавок у стены, рядом с ним старались не стоять, отчего вокруг образовалось пространство. После слов Аргаста Балиар вздрогнул, посмотрел непонимающе на бородача, а затем расплылся в доброй улыбке и с кряхтением поднялся. Вся команда пристально проследила за тем, как шаман, прихрамывая, вышел в центр.

На меня ан Вонк даже не посмотрел.

– Видел ли ты то, о чем говорит твой ученик? – торжественно продолжал Дувал.

– Да-да, видел, – не перестал улыбаться старик. – Ох, удивительный был вечер. Я читал дневники шаманов Девятки, когда вдруг подумал о...

– Видел ли ты то, о чем говорит твой ученик? – недовольно повторил капитан.

– А? Простите? Ах да! Ну да, я же сказал, да! – вынырнул из своего мирка шаман. Гром сухо кашлянул, поджав губы. Обвел молчащую команду взглядом, неторопливо поворачиваясь на каблуках.

– Вы все слышали. Вы все должны были понять, если у вас еще не замерзли последние мозги. Меня не интересуют причины. Меня не интересуют ваши гребанные интересы в таких

ситуациях. Закон один для всех! Юнга Эд Бауди приговаривается к десяти плетям за то, что поднял руку на товарища. Пусть это будет уроком для всех вас, выкормыши Темного бога! Никто на борту достославной «Звездочки» не смеет поднимать руку на члена команды!

Он выдержал паузу, вслушиваясь в молчание. Никто не произнес ни слова, хотя мне послышалось недовольное бурчание со стороны палубников.

– Мертвец, приступай.

Первый помощник кивнул и взмахнул рукой, в которой была зажата плеть.

– На стол, – бесцветно произнес он.

В нем не было ничего. Пустота. Я сразу вспомнил проклятого Черного капитана, с которым столкнулся несколько месяцев назад. Человек с мертвой душой. Монстр. Неужели Мертвец из них? Но как такое может случиться? Как простой моряк с обычного пиратского шатпа может оказаться мифологическим чудовищем Пустыни?

– Прервите меня, если я ошибаюсь. Но неужели хоть кто-то верит в то, что малец действительно просто так набросился на этого оледеневшего камнесоса? – вдруг сказал кто-то из толпы. – Ну-ка, ну-ка, поднимите руки, кто искренне в это верит.

Сиплый дернулся было поднять руку, но его грубо одернул Волк. Больше никто не пошевелился.

Все стихло. Абордажники скалились, снисходительно поглядывая на молчащих моряков палубной и технической команд. Самых штурмовиков Зиан никогда не задирали, и проблемы «низших народов» обитателей первой палубы не касались. Однако у говорившего оказалось свое мнение.

Гром молчал от возмущения, собираясь с силами для ответа нагледу. Я удивленно посмотрел на вышедшего из толпы абордажника в красных кожаных одеждах с черной меховой оторочкой. Буран. Темноволосый, крепкий, похожий на героев древности, каждый день волевым решением сметающих с лица Пустыни десятки врагов. Пристальный, пронизывающий взгляд штурмовика скользнул по собравшимся, на губах играла насмешливая улыбка. Неожиданная поддержка.

– Буран, закрыл бы ты свою пасть, – раздался голос Старика. – Вздумал оспаривать приказ капитана? Хочешь провести следующую неделю во льдах?

– Эй-эй-эй! Не так шустро, командир, – вскинул руки улыбающийся Буран. – Давайте не станем искать в глубинах наших темненьких душ самые черные пятна. Они там есть, бесспорно, но я бы не хотел распространяться об этом сейчас, прилюдно. Кто знает, может, потом на мне повиснет ответственность за чьи-нибудь плохие сны и снежное безумие... Я даже...

– Чего ты хочешь, Буран? – оборвал его Старик. – Избавь нас от своей болтовни.

– Ничего такого, ваше старшинство. Я всего лишь создаю необходимый шум. Кто-то же должен это сделать! А то стоят и молчат, как стадо оленей на пастбище. Мы же на сходке. Надо порицать, надо шуметь. Покрикивать там, мол, давай, Мертвец, всыпь ему. Это ведь не запрещено корсарским кодексом. Или запрещено хлопать в ладоши? Я вот хотел похлопать в ладошки – ведь наконец-то среди палубных шаркунов нашелся хоть кто-то с яйцами.

Абордажник пристально посмотрел в лицо командиру и демонстративно захлопал. Затем напустил на себя серьезный вид, шуточно поклонился и с чувством выполненного долга добавил:

– А теперь порите его, нещадно. Со страстью и рвением, как умеет наш первый помощник!

Мертвец невозмутимо перевел взгляд на капитана. В столовой повисла напряженная тишина.

– Ты не заболтался ли, Буранчик? – проговорил Половой.

Что-то зло произнес Сабля, приободренный словами старшего матроса.

– Заткнулись все, – вмешался Гром. – Старик, мне кажется, что твои ребята стали чувствовать себя слишком вольготно.

– Я разберусь, капитан, – буркнул разъяренный командир абордажной команды. Хотя уверенности в душе воина было поменьше, чем в голосе. Буран, известный на корабле за острый язык и непомерную храбрость, был Неприкасаемым. Воспитанником могущественного ордена воинов, оказавшимся волею судьбы в составе пиратской команды. Такому, как он, ничего не стоит спустить шкуру со Старика и обоих штурмовых офицеров разом. Никто не способен сравниться в драке с Неприкасаемыми. Капитан очень гордился тем, что у него на борту сразу два элитных бойца – Буран и его друг по ордену, молчаливый и мрачный Торос, всегда и везде поддерживающий товарища. Даже сейчас он выдвинулся из толпы и стоял, угрюмо встречая взгляды моряков. Но не хлопал.

– Ты стал слишком болтлив, Буран, – наконец проговорил Дувал. – Мне кажется, твой язык начинает мешать тебе.

– Я ничего не нарушил, капитан! Всем людям, кто ушами слушает, а глазами смотрит, известны повадки малыша ан Варра.

– Закрой наконец свой поганный рот, – рявкнул Старик.

– Шестнадцатый пункт закона гласит: порицающий члена команды, если он не офицер, должен получить две плети. В пункте есть исключения, но тебя они не касаются, – прогудел Мертвец. Капитан Гром лишь кивнул, подтверждая его слова.

Буран после слов первого помощника сдернул с себя алую куртку на меху, бросил ее на пол, затем стянул через голову рубаху, обнажив покрытый шрамами торс, и подошел к первому помощнику с широкой улыбкой.

– Ну и цены у вас, – осклабился он.

Послышались смешки со стороны штурмовиков, и я увидел, как дернулось веко услышавшего это капитана.

– Подожди своей очереди, – отстраненно сообщил Бурану Мертвец и уставился на меня.

– На стол.

Я вскарабкался наверх и поудобнее устроился, подставив спину под плеть. Заступничество Неприкасаемого почти прогнало страх перед наказанием. Теперь, после такой поддержки, я был уверен, что выдержу любые пытки.

А затем Мертвец ударил, и в глазах потемнело. До крови прокусив губы, я только вздохнул, удерживая в груди крик. Как же больно! Мне показалось, что первый помощник просто разрезал мою спину.

– Один, – скучаяще сообщил палач.

Второй удар был больнее предыдущего. Я выгнулся, вцепившись руками в стол. Мне казалось, что так будет легче, проще. Что если я буду держаться за края – это поможет. Дали бы волю, я вгрызся бы в него зубами. Спину жгло огнем, причем пламя не утихало, а после каждого удара разгоралось все жарче, проникая во внутренности.

Мертвец комментировал каждое падение плети равнодушным счетом.

– Три.

Слезы брызнули из глаз, но я не вскрикнул. Кричать нельзя. Никак нельзя. Иначе они услышат.

– Четыре.

Ни Волк, ни Сиплый, ни тем более Зиан не должны слышать моих криков. Молчи, Эд. Молчи. Светлый бог, как же больно! Как больно! Мне показалось, будто в раны, оставшиеся после удара плетью, щедро насыпали соли и теперь едкие крошки растворяются в крови. Сердце заходило в истошном танце и подкатывало к горлу.

– Пять.

На девятом ударе я провалился ненадолго в темноту, но, к сожалению, вынырнул оттуда, чтобы получить десятый.

Меня подхватили чьи-то руки, стащили со стола, за который я цеплялся, словно от этого зависела моя жизнь. Я старался пошевелиться, старался хотя бы двинуть ногами, но весь мой мир оказался иссеченной до крови спиной. В ушах шумело, перед глазами плыли черно-алые пятна. Что-то теплое стекало мне в штаны, и кто-то нес меня прочь из столовой. Последнее, что я услышал в ней, был хлесткий удар плети и веселый возглас Бурана:

– Ну кто так бьет? Кто так бьет-то? Даже этого не умеешь!

Команда не смеялась. Никто не проронил ни звука.

Потом я ненадолго отключился, а когда пришел в себя, почувствовал на спине приятную прохладу. Верх наслаждения, особенно яркого после той обжигающей боли, впечатавшейся в мою память навечно.

«Она вернется, Эд. Она обязательно вернется».

Я осторожно вдохнул, стараясь не шевелиться. В ноздри тут же ударил крепкий запах энгу и каких-то отваров. Разлепив глаза, я понял, что лежу на животе в комнате шамана, а сам старик стоит надо мною и мечтательно улыбается. Он чему-то радовался. Чему-то, только что свершенному.

– Ну как ты, драчунишка? – Балиар увидел, что я очнулся. Посмотрел на мою спину и улыбнулся еще шире.

– Ах, как прекрасно вышло, да?

Он провел холодными пальцами по моей спине, и я весь сжался, приготовившись к жуткой боли, а затем в изумлении уставился на счастливого старика. Ничего не болело! Ничего!

– Капитан разрешил старику попробовать! – тоном победителя сообщил Балиар. – И у старика получилось, ахха! Я смог это сделать! Я должен это записать!

Он вздрогнул, будто вспомнил нечто важное, и поспешил к столу, бормоча что-то себе под нос, а я осторожно поменял положение, ожидая резкой боли от ран на спине, и поднялся с лежака.

Ничего. Лишь немного чесались те места, куда несколько минут назад обрушивались удары плети. Не веря в происшедшее, я повел руками, наклонился из стороны в сторону.

– Я много работал, мальчик. И у меня получилось! – заметил мое удивление старик.

– Не могу поверить, – уныло проговорил человек, которого я и не заметил. Он сидел на стульчике в темном углу каюты, рядом со столом, заваленным книгами и пузырьками, и печально смотрел на меня. Доктор Кван собственной персоной. Уголки его губ вечно тянулись вниз, отчего казалось, будто он вот-вот расплачется. Даже в редкие моменты радости – они лишь приподнимались ненадолго и сдавались, не в силах побороть уныние лекаря. – Не могу поверить в это, Балиар!

– Поверь! Это многое изменит! Многое!

Доктор, вид которого и в хорошие-то дни вызывал уныние и апатию, сейчас выглядел как человек, услышавший свой смертный приговор и понявший, что в исполнение его проведут немедленно и неумолимо.

– Никто не умеет затягивать раны! Шаманам неподвластна живая материя, это закон природы. Так повелел Светлый бог, и Темный собрат его поддержал. Это неправильно, Балиар. Этого не может быть!

– Ты так считаешь? – Шаман обернулся на доктора. – Тогда как ты это объяснишь? В летописях Девятки говорилось и о более глобальных вещах! Это только начало.

– Мне это не нравится, – тоскливо сообщил Кван. – Я не верю своим глазам. Та рана не могла затянуться так быстро! Не могла!

– Как видишь, смогла, Кван! Смогла! А теперь идите! Теперь не мешайте! – затараторил Балиар. – Я должен все записать. Должен. У меня получилось. О, старый Никрос, теперь ты будешь знать, кто лучше понимает голос силы. Ахха! Это прорыв. Я близок, о Светлый покровитель, как же я близок!

Кван с потерянным видом встал со стула, еще раз посмотрел на мою спину.

– Поразительно. Он оставит нас без работы, – горестно поделился врач. – Совсем без работы. Если заболит что-то – сразу иди ко мне.

Я оделся, наслаждаясь состоянием вне боли.

– Я не могу поверить, – уныло заметил Кван. – Не могу поверить.

Глава третья

Ночная вахта

Моему скорому возвращению из лазарета удивились, но восприняли его как должное и старались не тревожить моих «ран». Но самым странным и, не скрою, приятным было то, что в течение дня ко мне то и дело подходил кто-нибудь из моряков и осторожно хлопал по плечу, выражая свое уважение. Как оказалось, Зиан успел насолить многим, и слова Бурана хоть и разозлили некоторых моряков, но попали в точку.

Я слабо улыбался в ответ и никак не мог понять, почему до меня никто не попытался поставить зарвавшегося шамана на место. Неужели это так сложно – собраться вместе и постоять за себя? Матерые рубаки Сиплый и Волк ничего не смогут сделать против десяти – двадцати моряков. Даже Неприкасаемому не так просто было бы столкнуться в схватке с такой толпой, что уж говорить о каких-то штурмовиках.

Тогда я еще не знал, как устроена жизнь, и что даже один мерзавец способен победить десятерых противников, если каждый из них будет делать вид, будто его-то возникшая проблема точно не касается.

И только когда беда доберется до последнего – в душе того появится тень сожаления: мол, чего же ты раньше отсиживался.

Но в целом день прошел спокойно. Половой старался меня работой не загружать, опасаясь за мою спину, но ближе к вечеру осмелел. Или же уточнил у доктора Квана мое состояние. В любом случае до того, как рельс пробил отбой, старший матрос никак меня не замечал, позволив почти весь день валять дурака.

Вечером же, когда я готовился ко сну, Половой подошел ко мне и присел на корточки рядом, поглаживая свой жуткий шрам. Я машинально нащупал под одеждами компас, убедился, что тот на месте, и с ожиданием воззрился на старшего матроса. Фарри, с прищуром подозрения, тоже следил за грубым лицом Полового. Мой друг уже забрался под шкуры и с наслаждением растянулся на матрасе, предвкушая сладкие объятия сна.

– Собирайся, Лавани, – грубо сказал старший матрос.

– Чего еще? – мгновенно помрачнел Фарри. – Я позавчера в ночной был!

– Былые времена ушли. Время новых свершений. Ты же друг нашему благородному кретину, да? Тебя, кстати, тоже касается, – покосился на меня Половой.

Одноглазый понизил голос. От него пахло чем-то крепким. Вообще старшим матросам и офицерам сухой закон «Звездочки» не мешал выпивать чего-нибудь под вечер, пока капитан наслаждался обществом южных настоек. Наш палубный командир тоже своего не упускал.

– Одного его оставлять нельзя, – глухо продолжил Половой. – У меня не так много рук, чтобы спокойно выбрасывать на лед придушенного где-нибудь в темном коридоре дурачка. Дел ты наворотил, конечно, малец.

Он посмотрел на меня. Я чувствовал его неодобрение.

– Так что скажи спасибо своему приятелю, Лавани. Теперь работаете только вдвоем. И работать будете больше, чем раньше. И, надеюсь, быстрее. За недельку гадливость Зианчика сойдет на нет, надеюсь, и вернетесь к старым порядкам.

– Что нам делать на ночной вахте-то вдвоем? – буркнул Фарри. Он был прав. Ночью основная задача – это помощь вперёдсмотрящему, вроде мальчика на побегушках. Ну или если случится что у механиков и кто-то из них полезет на вторую палубу, чтобы найти пару лишних рук. Вот у них, у обитателей темных лабиринтов, ночью работы хватало. А у нас...

– Придумаете, – Половой покачнулся, выдав, насколько же он набрался. – При свидетелях ни Волк, ни Сиплый вас не тронут. Надеюсь на это искренне.

– Что им помешает еще и Фарри навредить? – наконец сказал я. – Может, не надо, мастер Половой?

– Собираешься оспаривать мою команду? – прищурил глаз моряк. – Я лучше знаю, что надо, а чего не надо. Так что заступаеете оба. Дежурите до рассвета, потом отоспитесь. Дел завтра будет немного.

Я кивнул. Обычно смена шла до четвертого часа. На камбузе, у плит, над рельсом висели диковинные часы, по которым и жила команда. Если до рассвета, значит, в два раза дольше. Ночка предстояла тяжелая.

Половой немного помолчал, а затем сказал то, что крутилось у него на языке:

– Зиан нормальный парень. Просто надо уметь себя поставить, юнги. И поставить, не навивая себе врагов. На моей памяти был один морячок, что тоже сцепился с Зианом на кулаках. Очень гордился собой потом. Смелый был, отчаянный. Мы тогда ходили к югу от городов Содружества. Добыча там побогаче, но и нервов тратится побольше. Погиб тот паренек при первой же вылазке. Единственный, кто погиб. Причем совершенно по-дурацки: сорвался с борта ледохода, когда с посуды вынесли последнее. Тело нашел Волк.

Мы с Фарри понимающе переглянулись. Надо же, какое совпадение.

– И ни у кого не возникло подозрений? – спросил я.

Половой фыркнул:

– Подозрения... Капитана не интересуют подозрения. Он слушает только факты. Конечно, секрета нет, как помер тот паренек. Но никто ничего не видел. А если и видели – то молчали.

Он икнул, тяжело вздохнул.

– Фух... Ты молод еще, Бауди. Слишком молод. Из тебя может получиться толк, если будешь осторожнее. И если до тебя не дотянутся лапы офицера штормовой бригады. Коротышка Яки за тебя очень просил, и ты его сильно подвел, Бауди.

– Почему, если все знают о том, что произошло, никто ничего не делает?

– Знают и догадываются – разные вещи. Когда подрастешь – поймешь. Закон на «Звездочке» – это Мертвец. То есть, конечно, капитан, по-хорошему. Но Мертвец самый справедливый из офицеров. Он не будет домысливать и рассуждать, чертов сын льдов и ветра.

– У нас на борту три поклонника алого камня! – пробурчал я, возмущенный ситуацией.

– А офицеры постоянно прикладываются к бутылке, – осклабился Половой, глаз его потемнел. – Половина абордажников тайком играют в курду. Инструментарии из-под полы продают в порту энгу и лишние детали. Но вся команда – это цельный механизм, юнга. Если разоблачать – то разоблачать всех. Капитан это понимает. Все это понимают, кроме, наверное, Мертвеца. Но тот не верит в то, чего не видит. И не видит того, что ему приказал не видеть старина Гром. Это просто, но надо подрасти, чтобы понять. Надо повзрослеть, вникаешь? Нет людей, не нарушающих законы. Жизнь непростая штука.

Никогда Половой не говорил с нами так долго. Сказывалось его опьянение.

– Найти командира не так просто, как кажется, – продолжал моряк. – Волк и Сиплый – хорошо командуют. На их место почти никто не метит, а если метит, то не дотягивает по умениям. Я слышал, как сокрушался по этому поводу Старик. Была бы замена – мигом бы выперли обоих. И шамана во льдах найти непросто, совсем непросто. Особенно искателям приключений вроде нас. Капитан это понимает. И ты пойми. Юнг в любом порту можно отыскать. И покрепче и посмышленнее, чем вы. Так что закон штука такая... Нестабильная. Пока никто не наглеет, на преступления можно прикрыть глаза, как и поступает капитан. Мудрый человек, скажу я вам.

Я промолчал, хотя внутри все стеноло от возмущения. Закон должен быть стабилен. Закон должен быть для всех. Во что может превратиться мир, если все будут жить по принципу капитана Грома?!

– Мы все поняли, мастер Половой, – пробубнил унылый Фарри.

– Главное, чтобы понял наш бортовой дурачок. И в будущем держал свои кулаки в карманах, где им самое место.

Моряк опять тяжело вздохнул и неожиданно улыбнулся:

– Но не расплывайся лужей слез и печали. Может, обойдется просто побоями.

– А вам не страшно жить в такой безнаказанности? – сказал я. – Не страшно, что в следующий раз они выберут вас?

– Нет, мне не страшно. У всего есть предел. Зиан хоть и сосатель камней, а не дурак. Понимает, что если слишком долго гнуть железо, то и оно лопнет. Потерпел бы ты месяц-другой, и не случилось бы того, что случилось.

При этих словах Фарри кивнул и бросил на меня быстрый взгляд. Он так и поступил. Я понимал его и принимал такое решение. Но сам поступиться гордостью не смог. И смогу ли в будущем?

– Ладно, заболтался я совсем. Собирайтесь и дуйте на камбуз. Потом приду проверю, увижу, что спите, – пожалеете.

С этими словами Половой поднялся и побрел к своему лежаку, а мы отправились на камбуз, дежурить.

– Клянусь Светлобогом, ну и кашу ты заварил, Эд, – сказал мне Фарри, когда мы поудобнее устроились за одним из столов.

Я пожал плечами, слушая глухой звук двигателей и едва слышный храп из залы, где отдыхали механики. У плиты мастера Айза что-то ритмично позвякивало в такт вибрации ледохода. Стоит сказать, что первые дни от постоянной тряски я не мог спать, но потом, конечно, привык.

Из всех шаманских фонарей в столовой горело только два. Под одним из них мы и устроились. Удивительная все-таки человеческая черта: тянуться во тьме к свету.

– А как же Барроухельм, Эд? Как же компас? – Фарри старался говорить тише, подавленный окружающей нас темнотой. – Ты опять готов всем рискнуть? Ты же не один теперь, Эд. Теперь это еще и мое дело, знаешь ли.

– Я не мог иначе, Фарри!

– А я вот смог почему-то...

Его укор был справедлив: в Снежной Шапке осталась девушка, которую мой друг бросил из-за мечты разгадать тайну компаса. Тайну погибшего Одноглазого. Тайну Черного капитана. Удивительно, не правда ли? Умиравший шаман взял с меня слово отнести артефакт из города Содружества, но больше всего усилий по исполнению моего обещания прилагал именно Фарри.

Нечестно это с моей стороны. Некрасиво. Но когда я сцепился с Зианом ан Варром – о компасе и не вспоминал.

«Ты просто думаешь только о себе, Эд».

– Отчасти я тебя понимаю, – кивнул Фарри. – Помня этого тщедушного гаденыша, понимаю. Но именно что отчасти. Учись сдерживаться, Эд. Это пригодится тебе в будущем! А вообще в моей жизни уже и так было слишком много пиратов. Когда будем выбираться отсюда, Эд?

– Когда «Звездочка» прибудет в какой-нибудь порт Содружества.

– Отличный план. Но что, если она никогда туда не придет? – В свете фонаря я увидел, как он хитро прищурился. Мне нечего было сказать на это. О таком повороте я старался не думать. Я вообще старался не думать о том, что делать дальше. Нынешнее течение жизни меня вполне устраивало. Что будет – то будет...

– Мы уже два месяца бездарно потеряли. Нет, конечно, пусть Светлобог и дальше хранит нас от приключений. Но я не хочу путешествовать с пиратами, Эд. Это, конечно, не капитан Кривоногий, но все же. Это бандиты, разбойники. Надо что-то делать. Как-то выбираться отсюда.

Кривоногим звали корсарского капитана, растоптавшего детство моего приятеля. Фарри почти год был рабом пиратского судна и добывал огненный порошок.

– Выберемся! – уверенно сказал я, хотя про себя подумал, что все не так уж плохо и сейчас. Если не учитывать проблемы с Зианом – жить можно.

Мой друг покачал головой, тяжело вздохнул, положил руки на стол и ткнулся в них подбородком. Вновь вздохнул. Я посмотрел ему в глаза.

– Дай посмотреть, – тихо попросил Фарри. Я понял, что он имеет в виду компас.

– Нет, извини. Вдруг кто-то увидит. Он же светится, мы тут всю столовую раскрасим.

Фарри обиженно засопел.

– Не обижайся, пожалуйста.

– Да я не обиделся, – соврал Фарри и тут же исправился: – Нет, наверное, все же обиделся. Он широко улыбнулся.

– Я не хочу рисковать. Да и чего ты там не видел? – пояснил я свой отказ.

– Он красивый. И когда я на него смотрю, то чувствую некую важность всего, что происходит. Мне кажется, будто мне просто не везло раньше. С этим Кривоногим, с Воровским Законом, пусть он смерзнется вовеки. А теперь все будет не так плохо, понимаешь? Вдруг этот компас приведет нас к Добрым? Ведь если есть черные капитаны, значит, есть и их враги. Мне так хочется разобраться в этом, Эд! А мы торчим здесь, на этом ледоходе, как служки при таверне.

«А тебе ведь нравится такая жизнь, Эд. Нравится, да? Скажи ему об этом. Что никакие тайны тебе и даром не нужны. Лишь бы и дальше спокойно жить. Тихо. Без сложностей и приключений. Ты скажешь ему об этом, Эд? Скажешь это человеку, который несколько лет жил в кошмаре?»

Фарри потянулся и продолжил:

– Мне тут скучно. Нет, я понимаю, что палубная команда – это палубная команда, ничего не поделаешь. Кто-то должен и на кухне работать, и полы мыть. В принципе это же несложно. Но, конечно, хочется чего-то другого. Совсем другого. У штурмовиков должно быть веселее.

– Почему ты думаешь, что в абордажниках веселее? – Разговор свернул в сторону, чем меня обрадовал.

– Легко живут – легко умирают. Они самые свободные на корабле. А с некоторых пор я ценю свободу.

– Инструментарии тоже свободные люди.

Фарри покачал головой:

– Пыль, грязь, эти поганые смеси, разъедающие кожу, черный кашель в конце концов, оторванные пальцы, глухота – у них мало веселого в будущем. Не нравится мне такая свобода. Хотя и доля добычи у них хороша, и уйти они могут, когда захотят. Обычные наемники. Сегодня здесь, завтра на портовых верфях.

– А кто тогда мы?

Фарри задумался. И тут я почувствовал движение в темноте за мною. По спине пробежали мурашки. Кто-то выбрался в галюн посреди ночи? Или...

Оледенев, я смотрел на приятеля, стараясь не показать своего испуга. Почему-то мне совсем не хотелось знать, кто наблюдает за нами из темноты. Почему-то думалось, если я не подам виду – то все обойдется.

– Мы – те, у кого нет силы одних и умений других. Низшая каста моряков, – хихикнул наконец Фарри. – Мы...

– ...палубники, – прохрипел кто-то из темноты. – Вы – поганые палубники.

В столовую вошел Волк.

Не глядя на нас, он плюхнулся на ближайшую лавку.

– Вонючие ледовые щенки. – Офицер наклонился к нам, оперся руками на колени и хмыкнул. А после поднял взгляд на меня: – Значит, ты всех уверяешь, что мы с Сиплым дерьмо? – вдруг сказал абордажник.

– Что? – не понял я.

– Ты сказал, что мы – дерьмо. – Лицо Волка исказилось от сдерживаемой ярости. – Трусливый сын шаркуна и дохлой волчицы, как ты посмел вообще рот раскрыть?

Из темноты показался Сиплый. Он задумчиво встал в дверях, выходящих в коридор к камбузу, и скрестил на груди руки.

– Я не понимаю...

– Заткнись, – отмахнулся Волк. Пружинисто встал и в три шага оказался рядом с нами. – Мы – дерьмо, да?

– Так он же заткнуться был должен, – сказал Фарри. Он не испугался. Смело встретив взбешенный взгляд абордажника, мой друг поднялся из-за стола. Мне бы его храбрость. Сейчас я мог думать только о том, услышит ли кто-нибудь, когда нас станут убивать.

– А ты поумничать вздумал, я смотрю? – Глядя на Фарри, Волк схватил меня за воротник и поднял на ноги. – Встать, когда я с тобой разговариваю. Мы – дерьмо?!

Я не понимал, чего он от меня хочет. От него несло алкоголем и луком, мысли офицера бурлили неопределенной массой злобы и жажды крови.

– Я правда не...

– Заткнись!

Сиплый в проходе тяжело вздохнул.

– Я покажу тебе, кто здесь дерьмо. – Волк ударил меня кулаком в живот. Охнув от боли, я согнулся и в следующий миг схлопотал еще один удар.

– Я буду свидетелем! – сказал Фарри.

– Пискнешь еще раз – будешь следующим, а не свидетелем. – Волк легко поднял меня повыше, заглядывая в глаза. – Никто не смеет называть Волка дерьмом, ясно тебе?

Сиплый кашлянул, предупреждая о чем-то приятеля, и абордажник тут же разжал кулак. Я свалился на лавку, переводя дыхание и чувствуя острую боль в животе.

– Мы еще поболтаем, – процедил штурмовик и вразвалку направился к двери. Когда он дошел до нее, с трапа послышались тяжелые шаги.

– Мастер первый помощник, – просипел Сиплый, – доброй ночи.

– Время отбоя, – раздался голос Мертвеца. – Почему не в каюте?

– Проветривались, мастер первый помощник. Уже уходим, – вклинился Волк.

Мертвец вошел в столовую, проводив взглядом абордажников.

– Все в порядке? – равнодушно спросил первый помощник, оглядев нас с Фарри.

– Да, – опередил я моего приятеля. – Все в порядке. Вахта протекает отлично, мастер первый помощник.

– Уверены?

Как можно жить и думать без единой эмоции?! Или... Что, если этот крепкий моряк – черный капитан? Может же быть такое, да?

Фарри сел на лавку, буравя меня взглядом.

– Хорошо. – Мертвец развернулся и вышел из столовой. Я услышал его тяжелые шаги по коридору. Первый помощник отправился куда-то в нос корабля.

– Может, сходим к впередсмотрящему? – предложил я, стараясь не смотреть на подавленного Фарри.

– И ведь мы ничего не можем сделать с ними, – пробурчал он.

– Зато мы можем сходить к впередсмотрящему. Может, ему чего-то надо. Чего сидеть?

Я не хотел говорить о том, что только что произошло. Несмотря на то что меня душила злость на Волка.

– Ты правда назвал их дерьмом?

– Нет.

– Значит, Зиан придумал... Или они просто сами себя накрутили.

– Пойдем. – Я зашагал к двери.

В акулье гнездо, как называли вотчину впередсмотрящего, мне ходить нравилось. Вертикальная лестница, по которой нужно карабкаться несколько минут, слыша, как в металлические стены шахты колотится пурга, выводила на небольшую площадку, где на неудобном сиденье, в котором невозможно уснуть, проводил вахты дежурный. Мне тут нравилось. Это единственная обязанность палубного матроса, которая не казалась мне скучной.

Сегодня впередсмотрящим был хитроглазый моряк по имени Галай.

– Бауди, так это ты сегодня на кухне, что ли, ночуешь? – с интересом спросил он меня, когда я откинул люк и выбрался из него в тесную каморку. Здесь было холодно. Галай сидел, положив руки в варежках на поворотное колесо прожектора. У его ног в железных банках горели свечи. На горлышки банок были натянуты шланги из плотного и тягучего материала, которые скрывались под штанинами моряка. Их концы торчали под ушами дозорного, и из них вился парок.

Только благодаря этому нехитрому приспособлению тот, кому досталась вахта впередсмотрящего, не замерзал. Я пару раз уже дежурил в акульем гнезде и знал – так не холодно. Главное, свечи вовремя менять и аккуратно обмотать гибкие трубки вокруг ног и тела.

Моряк, нахохлившись, ждал моей реакции, а я зачарованно смотрел наружу, за закаленное стекло купола. По пустыне неторопливо плыли красно-синие волны ночного неба. Огни мягко переливались над моей головой. Башня акулье гнезда постанывала, покачиваясь (отчего вкупе с игрой света кружилась голова), и я вдруг поймал себя на том, что счастлив. Вот в этот самый момент. Невзирая ни на что. Волк, Сиплый – остались где-то позади, в другом мире.

– Бауди?

– Что-нибудь принести? – Я улыбнулся Галаю, на миг коснувшись его взглядом, и вернулся к Пустыне. Хорошее место. Когда ты день за днем заперт в железной коробке, где окна есть только в каюте капитана да на первой палубе, куда юнгам ходу нет, вид Пустыни – прекрасное развлечение.

Я вспомнил об оставшемся внизу Фарри. Вспомнил о Волке и Сиплом, которые могли ждать удобного момента для мести и таиться где-то там, в темных коридорах. Я ведь опять впутал приятеля в неприятности.

– Попить горячего, – потеплел голос Галая. – Сообразишь?

– Есть что интересное?

Моряк пожал плечами:

– Бродуна видел, но далеко. И наш рулевой поспать вздумал.

Я бросил взгляд вниз. Отсюда была видна освещенная рубка на носу «Звездочки», в которой находился штурвал корабля. Сейчас в ней находился Мертвец и жалко сжавшийся Коротышка Яки (сегодня он должен был стоять у труб и рычагов, командуя дежурными механиками). Первый помощник стоял как айсберг, а вот рулевой вздрагивал от каждого его слова.

– Мертвец его хорошо приложил, я видел, – поделился со мною Галай. – И правильно, конечно. Но на самом деле... – он вечно повторял эту присказку дважды, – на самом деле нельзя одного человека за штурвалом морозить! Менять надо. Всем спокойнее будет.

Я кивнул. Коротышку, получавшего выговор (хоть и справедливый), было жаль. Но ошибка рулевого может быть смертельна. Наш шапп легко преодолеет половину из расщелин и пробьется через гряду торосов, но иногда лед создавал такие препятствия, что если их проглядеть, то вся команда «Звездочки» легко отправится в объятия Темного бога или останется со сломанным кораблем посреди Пустыни. Лед коварен. Он не любит невнимательных.

Среди красно-синих льдов проявилось странное черное пятно. Случайный контур, образ. Я даже подумал, что это мираж. Или просто привиделось. Небо вспыхнуло алым, затопив Пустыню, и пятно исчезло. Но в следующий миг видение повторилось.

– Что это? – Я ткнул пальцем в сторону тени. Галай проследил за моим жестом, прищурился.

– Ого!

Он крутанул штурвал, и луч желтого света, режущий лед прямо по курсу «Звездочки», сместился в сторону.

– Ого! – восторженно повторил Галай. – На самом деле... Хм... На самом деле это дело!

Свет вырвал из объятий ночи черное тело ледохода, почти занесенного снегом.

– Дуй вниз, в рубку, скажи Мертвецу, что добыча справа по курсу!

В уме радостный Галай уже тратил свою долю в портовом кабаке. Ему, как заметившему корабль, полагалась двойная доля. Я не собирался ее оспаривать.

Глава четвертая

Мертвый ледоход

– Не мешайся, мелюзга, – прикрикнул на меня кто-то из абордажников. – Тебе тут не место!

Я отошел по скрипучему снегу чуть подальше, глядя, как моряки работают ломami, освобождая борт покинутого корабля ото льда. Это был шапп, траки и нижняя палуба которого совсем скрылись под белой броней Пустыни. Вокруг бесновалась метель, и позади нас едва виднелась темная фигура остановившейся «Звездочки».

Трое механиков с огромными дисковыми резаками ждали своего часа, укрывшись от ветра за бортом мертвого ледохода.

– После ночной вахты надо спать, – сказал Мертвец. Я даже не заметил, как он подошел. Лицо первого помощника скрывали шарфы, побелевшие от вьюги.

– Я хочу увидеть!

– Имеешь право, – равнодушно отметил Мертвец. – Шесть часов отдыха можешь тратить как хочешь. Но после ночной вахты надо спать, чтобы не потерять трудоспособности.

Я покосился на офицера. Какое жуткое слово – «трудоспособность».

– Давай, братва, налегай! – раздался чей-то крик сквозь свист вьюги.

Команда «Звездочки» почти вся столпилась у мертвого ледохода, накренившегося и утопающего в наметенном снегу. Всеобщее возбуждение передалось и мне. О, как хотелось понять, что же заставило команду бросить корабль во льдах. Ведь за каждым подарком для пирата стоит чья-то судьба. Чья-то жизнь. Кто-то же купил этот шапп когда-то. Кто-то служил на нем моряком. Работал механиком. Что стало с этими людьми? Что привело их когда-то на борт ныне погибшего судна? Как оно погибло?

Ночная вахта прошла более чем спокойно (Мертвец едва узнал о находке – приказал остановить «Звездочку», но побудки не объявил, резонно посчитав: до утра занесенный снегом шапп никуда не денется.) Так что наутро, после зова рельса, в который на сей раз колотили мы с Фарри, команду ждал сюрприз.

Несмотря на поднявшуюся метель, почти весь экипаж выбрался на лед, ожидая, когда механики прорежут дыру в туше покинутого корабля и можно будет приступить к самому интересному занятию бродяг Пустыни. Грабежу.

По периметру, негласно огороженному, вглядывались в метель вооруженные абордажники. Офицеры не хотели рисковать людьми и, невзирая на непогоду, выделили десяток бойцов на охрану. Ледовые волки, стремительные хищники снежного мира, хоть и предпочитали прятаться от пурги, но порой голод выводил их на охоту даже в самые жуткие ветра.

– Что ты тут делаешь? – Рядом со мною оказался Коротышка Яки, похожий на шарик из-за теплых одежд и огромной шапки. Прикрываясь рукой от ветра, он почти проорал мне этот вопрос в ухо.

– Хочу посмотреть! – ответил я ему. Холодная порошь хлестнула по людям, и я покачнулся под ударом стихии.

– Любопытный ты, клянусь щупальцами Темнобога!

– А сам?

– И я любопытный!

Несмотря на нагоняй от Мертвеца и угрозу наказания, Коротышка беззаботно улыбался, жадно глядя на утопленный в снегу ледоход.

– Интересно, что у него внутри, да? – крикнул мне Коротышка.

– Ага!

– Надеюсь, там найдется что-то ценное. Коротышке нужна новая шапка! Ха-ха!

Моряки энергично работали ломami, сменяя друг друга и весело переругиваясь. Вьюга швырялась хрустом льда да обрывками фраз, пару раз я слышал голос Волка, и он отзывался во мне неприятными ощущениями.

– Пойдем от ветра укроемся!

Я послушно зашагал вслед за Коротышкой. Отгородившись от метели телом корабля, мы принялись наблюдать за корсарами. Тут, на удивление, никем командовать не приходилось. Моряки жаждали своей очереди, и за каждым из работающих стояло по два-три человека, желающих помочь.

– Он давно тут торчит, щупальца мне в глотку! Видишь, как обледенел! Несколько месяцев, не меньше! – Коротышку снедало любопытство. Мне даже показалось, что пританцовывает он не от холода, а от нетерпения. – Но когда вскроют – первым не лезь! И ничего не трогай, понял меня?

– Почему?

– Ты – юнга.

– Юнгам запрещено?

– Ну считай, что так, ага, пусть мне щупальца Темного разорвут всю задницу, хе-хе. Но если найдешь что-то – зови. Кого угодно. Где твой рыжий дружок, кстати?

– Мастер Айз оставил его на камбузе работать.

Фарри очень расстроился, когда кок, которому тоже хотелось выбраться из ледохода, заставил его помогать на кухне. Меня чаша обиды мастера Айза, вынужденного готовить обед, пока остальные развлекаются, не коснулась. Так что сейчас мой друг резал то, что укажет толстяк, таскал воду, сколько тот прикажет, и следил за огнем под плитами.

Интересно, что коку скажет Мертвец, если узнает?

«Фарри не победит жаловаться, Эд. А ты бы побежал...»

– Готово! – проорал Волк. Он стоял у самого борта ледохода. – Давай сюда!

Механики, сгорбленные под ударами стихий, неторопливо приблизились, завозились с тяжелыми резаками. Один за другим завывали двигатели, и завизжали коснувшиеся металла пилы. Снопы искр брызнули в метель, и люди отпрянули, оставив механиков. Инструментариев окутали облака желтых огоньков, оседающих серыми крошками на снегу.

Работа затянулась. Механики то и дело отходили прочь, опуская чудовищные агрегаты. Под рокот успокоившихся моторов к дымящейся броне ледохода подбирались моряки с ломami. Пираты выламывали куски корабельной обшивки, освобождали плацдарм для резаков и вновь ныряли в метель, уступая место инструментариям.

Так, сменяясь друг с другом, экипаж «Звездочки» пробивал путь в недра ледохода, на носу которого белело название мертвого судна. «Сын героев». Если бы не снег, скопившийся в выбитых на металле словах, я бы никогда их не увидел.

Монотонный вой метели и визг пил вдруг прервал резкий хлопок. Один из абордажников, совсем недалеко от нас, бросился на колени и принялся перезаряжать свой дальнобой. Он что-то кричал, указывая на бурлящую снегом вечность.

– Это нехорошо, пусть у Светлобога отсохнут крылья. Волки?

В руках Коротышки появился длинный нож, до того висевший на поясе. Бесплезная игрушка при столкновении с хищником Пустыни.

Рядом со стрелком появился еще один из абордажников, вскинул дальнобой, целясь в снежную метель. До нас донесся обрывок его вопроса к товарищу. Но тот лишь отмахнулся, перезаряжаясь и поглядывая в мельтешение обжигающих кристалликов. Ветер выл, гудел и заглушал слова корсаров.

Мертвец торопливо зашагал к стрелкам, пряча лицо под локтем левой руки.

– Давай-ка к нашим, Эд! – необычно серьезно сказал мне Яки и подтолкнул к снопам огненных искр. Механики, не отвлекаясь, пилили обшивку. – Смотри в метель и будь готов, клешню Темного тебе в пасть.

Мертвец тем временем поравнялся со стрелками, один из них что-то ему крикнул. В пляске кристалликов опять промелькнула черная тень, и первый помощник тут же сорвал с пояса тяжелый палаш. Гроыхнул выстрел второго стрелка. Его товарищ почти закончил возню со своим дальнбоем, но тень исчезла в метели.

Мне стало жутко. Фигура напомнила о ледовой гончей у Кассин-Онга.

Яки что-то пробормотал.

– А?! – крикнул я.

– Не могу понять, кто это! Двигайся!

Мы оказались в толпе моряков. Вооруженные дальнбоями штурмовики из оцепления топтались на своих местах, глядя то в пургу, то на Мертвеца. Один из стрелков, кто был ближе всего к месту происшествия, встал на колено и прицелился, прикрывая товарищей. Я вдруг подумал, что существо в метели может быть связано с кораблем. Что оно сторожит нечто, спрятанное на борту ледохода.

– Это не волк, – крикнул Яки. – Это что-то другое.

И тут из белого ничто вырвалась уже виденная нами тень. Перезарядившийся абордажник вскинул свое оружие, выстрелил, но было поздно. Сквозь вой вьюги прорезался приглушенный пургой вопль. Черная фигура словно свалилась с небес, смяв несчастного моряка.

По-моему, я услышал хруст костей.

Тварь одним движением раскидала по сторонам Мертвеца и второго штурмовика. При чем последний от силы удара взмыл в воздух и пролетел не меньше трех ярдов. Кракнул еще один выстрел, тень злобно взвизгнула.

– Ледовый демон! – заорал кто-то из моряков, и вся ватага, как была, ринулась на помощь. Существо остановилось над жертвой, и вопли несчастного перешли в визг, а затем резко оборвались.

То, что возвышалось над телом корсара, не было никем из известных мне животных. Черная фигура, сторбленная, бесформенная, рвала убитого на куски, не обращая внимания на ранение и бегущих к ней людей. Гончая? Это же Гончая?!

Зашевелился Мертвец, вырос из бесформенной темной груды и вскинул палаш. Скользнул в сторону, чтобы оказаться за спиной пирующего монстра. Чудище замерло, почувствовав движение.

– Берегись! Берегись! – заорал кто-то из моряков. Остальные, спотыкаясь о неровности льда, оскальзываясь и падая, спешили на помощь молчаливому товарищу. Существо повернуло голову к Мертвецу, забыв о добыче, и тут первый помощник ударил. Палаш перерубил твари хребет, но демон словно и не заметил раны. Обернувшись к обидчику, он отбросил в сторону труп штурмовика и злобно взвыл прямо в лицо Мертвеца. Я увидел, как вонючий пар из пасти монстра ударил в капюшон моряка. Житель льдов вскинул руки-лапы, целясь в шею первого помощника.

Тот нырнул в сторону, обходя демона слева, и словно изобретение безумного инструментария нанес монстру несколько размашистых и невероятно быстрых ударов, каждый из которых сопровождался жалобным визгом пустынной твари.

С воем создание повалилось на лед, и через несколько мгновений его накрыла толпа подбежавших корсаров. В пурге замелькали вздымающиеся и опускающиеся на монстра мечи, ножи и топоры.

Я наконец сдвинулся с места. Что это было? Кто это был?!

«Только не Гончая... Пожалуйста».

Словно в ответ предсмертному воплю из снежной пелены послышался зловещий вой. Штурмовики в оцеплении шарили стволами по сторонам, мрачно ожидая повторного нападения. Я услышал, как что-то кричит Мертвец, потрясая палахом. Увидел, как Волк и несколько абордажников побежали к кораблю, а остальные торопливо распределились между дозорными.

Я оказался у черной фигуры через десять ударов сердца.

– Что это, драный демон, такое? – Над трупом чудища стоял моряк по имени Шон.

На льду, в луже фиолетовой крови, расплывающейся из-под расколотого черепа, лежал укутанный в шкуры мужчина, со звериным полулицом-полумордой, заросшей черной шерстью. Когда-то это был простой человек, вне всякого сомнения. Потом что-то его изменило.

Показалось, будто занесенный корабль смотрит мне в затылок. Будто у погибшего судна осталась душа, измученная безумием бесконечной Пустыни и преобразившаяся в чистейшее зло.

По спине побежали мурашки.

– Юнга, ты здесь не нужен, – увидел меня Мертвец. Он поднялся с колен, хлопнув по бедру убитого штурмовика. Голову несчастного почти оторвало, и меня замутило от увиденного. Все в крови, нижняя челюсть скошена набок, сквозь жуткую рану на лице виднелись белые кости.

Стихло визжание пилы, и один из механиков отправился к Мертвецу. Его товарищи прижались к борту корабля, встав спинами друг к другу и выставив перед собой тяжелые резак, подрагивающие от рокота двигателей.

– Готово. – Замотанный в шарфы инструментарий посмотрел на тела. – Проклятье. Что за зверодемон такой?

– Яки, палубных на обыск. Юнгу тоже возьми. Он тут не нужен.

– Хорошо, мастер первый помощник.

Даже сейчас Мертвец ничего не чувствовал.

– Это же человек, да? – прошептал я.

– Что? – не понял меня Мертвец.

– Это же человек?!

– Тебе тут не место! – громко повторил первый помощник. – Этим займутся те, кто знает, что с этим делать. За работу!

Неприкасаемые тоже были здесь. Буран внимательно оглядывался, сжимая в руках по мечу, а угрюмый Торос поднял со льда дальнобой убитого, ловким движением снял с трупа поясной кошель с пулями и принялся перезаряжать оружие.

– Если мне будет позволено сказать... – заговорил Буран.

– Не позволено, – отрезал Мертвец.

– ...то убирались бы мы отсюда подобру-поздорову, – продолжил бунтарь.

– Помогите на дальнем фланге. – Первый помощник не обратил внимания на дерзость Неприкасаемого. – Где Старик?

– Я не знаю.

– Почему его никогда нет, когда он нужен? – без эмоций поинтересовался Мертвец. – И почему он всегда рядом, когда все проблемы решены?

– Я могу ответить вам по-разному. Например – не знаю. Или – не имею понятия. Или – откуда знать мне, простому штурмовику, о планах старших офицеров. – Я едва удержался от того, чтобы не разинуть в изумлении рот. Пока Неприкасаемый говорил, его внимание ни на минуту не ослабло. Если бы сейчас из пурги выскочил ледовый демон – Буран встретил бы тварь во всеоружии и готовый ко всему. Как он умудряется совмещать болтовню с делом?!

– А еще есть вариант – он мне не отчитывается. Я предположу, что можно еще сказать – Старик там, где сейчас нужнее. Но самый мой любимый вариант ответа: «Че?»

Даже сейчас Неприкасаемый не посмотрел на Мертвеца.

– Буран, помоги, – подал голос Торос, и тот, кивнув, зашагал на самый дальний край оцепления. Моряки разбились на группы по два-три человека. Один стрелок и двое бойцов-рукопашников.

– Чего стоите? – Мертвец посмотрел на нас с Яки. – Ждете еще тварей?

Он указал на тело монстра. Зверодемон... Как точно назвал его безымянный инструментарий!

– Пошли, ребята! На борт!

Ликования в пиратах стало чуточку поменьше. Взгляды, которые они бросали на странный труп, говорили громче любых слов – никто ни с чем подобным раньше не сталкивался. Тогда меня это неприятно изумило. Мне казалось, будто вокруг меня жили бывалые волки Пустыни, знающие всю ее жизнь от края и до края, а вышло так, что первое «приключение» во льдах оказалось для них новинку.

Пока брел к темному зеву вскрытого корабля, я думал только о фиолетовой крови у тела почерневшего, заросшего шерстью человека, закутанного в звериные шкуры. Это не ледовая гончая, точно. Я помнил черную слизь на ледорубе Эльма, оборвавшего жизнь слуги проклятого капитана. В тот памятный переход по Пустыне, когда мы выбирались из моей разрушенной деревни, силач пустил твари кровь.

Искося поглядывая по сторонам, в метель, скрывающую тени зверодемонов, я старался не думать о том, с какой скоростью монстр вылетел из пурги и убил опытного штурмовика. Что ему стоит разорвать на части жалкую кучку палубных моряков?

У самого входа, рядом с обуглившимися зубьями металла, Коротышка оглядел выделенных ему людей.

– Двигаемся по трое. Начинаем с самого верха. Один несет фонарь, второй его прикрывает. Третий следит за тем, что происходит у них за спиной, – перекинув выюгу, распорядился Яки.

– Думаешь, там могут быть такие же твари? – спросил один из моряков.

– Заткнись, мать твою! Не вызывай демонов еще раз! – вспыхнул вдруг Шон. Он был бледен, и я видел, как он боится того, с чем познакомила нас Пустыня.

– Ой, ладно, чего завелся?!

– Вперед! Шон, Грэг, Скотти, вы – первые. Потом я, Эд и Патт. Винсарь, Три Гвоздя и Сабля – вы последние. Орри и Рэмси – стоите у выхода и слушаете все, что происходит. Если что-то пойдет не так – мигом к штурмовикам. Но, клянусь шупальцами Темнобога, молитесь, чтобы все было хорошо. Всем все ясно?

Ему ответил нестройный хор голосов. Я смотрел в темноту и уже не хотел лезть в недра «Сына героев».

– Мертвец прав: когда старшие офицеры нужны – их, пусть клешня подледного монстра раскроит мне череп, никогда нет. Ни боцмана, ни мастера штурмовиков. Видимо, есть дела поинтереснее, – пожаловался Коротышка. – А капитан и вовсе еще не проснулся.

– Хватит трепаться, Яки! – подал голос Сабля. – Здесь дует!

– Вперед! Раз тут такое дело рядом с кораблем – мы лишь проводим разведку. Ничего не берем, аккуратно смотрим. Поняли, пасынки волокуньего сообщества?

Первым в провал залез Грэг. Чуть полноватый моряк, также занятый в штурманском деле, как и Яки. По-моему, он не боялся ничего на свете и при этом совсем не гордился редкой природной храбростью. Он просто так жил. Вот и все.

Грэга увлекла тьма брошенного ледохода. За ним запрыгнул коренастый Скотти, а следом, с большой неохотой, забрался Шон. Невысокий, болезненно худой, большеголовый и почти не скрывающий своего страха. Над ним «У Полового» смеялись чаще всего.

Я вошел следом за Коротышкой.

Мороз победил брошенный корабль. Лишь черные полосы зачарованного металла не покрылись льдом. Пустыня забрала ледоход, и теперь даже по его тесным коридорам нужно было ходить в «кошках». Царапанье металла о замерзший пол эхом блуждало в молчаливом брюхе «Сына героев».

А еще чем-то пахло... Чем-то неприятным, неживым. Чуждым. Мы брели по палубе, осторожно оглядываясь и наблюдая за фонарем идущего впереди Грэга. Ледоход был пуст. Коридоры затянуло льдом, в который вмерз брошенный мусор; с потолка свисали монолитные рыжие сосульки. На кухне в котле смерзлась в единое целое гора посуды.

Наши шаги будто разбудили что-то в глубине судна. Мне показалось, будто я чувствую дыхание затаившегося на борту зла.

Грэг добрался до подъема на первую палубу, подождал нас.

– Давай туда, – шепнул Яки.

– Почему шепотом? – громко и ехидно поинтересовался Грэг.

– Давай туда, чтобы тебе в ноздри шаркун залез и отложил личинок! – громче приказал Коротышка.

Моряк хохотнул и ступил на первую ступеньку.

– Мы в зал, – сказал нам Коротышка. Голос его подсел. Он тоже чувствовал нечто, таящееся на борту. Низкие потолки стали как будто еще ниже. Захотелось даже втянуть голову в плечи.

Дверь, ведущая в жилой отсек второй палубы, оказалась заперта. Мы несколько минут провозились с запорным механизмом, сопя в темноте и кляня замерзший штурвал самыми грязными словами.

– Сюда! – крикнул откуда-то сзади Грэг. – Есть кое-что!

– Что такое? – встревожился Яки. Мы подоברались к трапу на первую палубу. Свет от нашего фонаря выдирал из черноты лишь часть коридора, уводящего в небытие и обросшего ледяными водопадами. Я почувствовал, как по спине бегут мурашки. Тишину мертвого судна нарушали лишь наши шаги, покашливание кого-то из моряков, пробирающихся на борт позади нас, и гул Пустыни, секущей броню корабля миллиардами крошечных снарядов.

– Тут трупы, Яки... И кое-что еще... – ответили сверху. – Поднимайся... Мне кажется, это должен увидеть капитан.

Я сглотнул. Мне захотелось выйти прочь, наружу. Остатки любопытства окончательно растворились в недружелюбной темноте.

– Дранный демон, – буркнул Яки. – Эд, вперед.

Подняв перед собою фонарь, я стиснул зубы и поставил ногу на первую ступеньку трапа.

Корабль не был покинут. Вся команда осталась во льдах вместе с «Сыном героев». Вход в кают-компанию преградило несколько смерзшихся тел, сваленных друг на друга. Мы остановились, вглядываясь в темноту залы. Я осветил фонарем вглубь. Комната отдыха стала зловещим мемориалом. Между огромным столом и стенами лежали мертвецы, аккуратно уложенные в ровные ряды.

– Этих бросили просто так, – глухо сказал потрясенный Грэг. – Сначала складывали, а потом...

Эти промерзшие свертки когда-то были такими же людьми, как и мы сами. Я смотрел на застывшее навсегда лицо бородатого моряка, лежащего поверх товарищей. В его обратившихся в лед глазах отражался свет фонаря. Рот несчастного был разинут в немом крике.

Тьма, холод и смерть поселились здесь навечно.

Свет, тепло и жизнь проиграли в этой роковой схватке и исчезли навсегда. В тот момент мне казалось, что за бортом их уже тоже больше нет.

На крепком столе, прямо посередине, стояла фигура с поднятыми вверх руками. У меня екнуло в сердце, когда я ее увидел. Желудок скрутило от испуга, и я, признаюсь честно, попятился к выходу. Ткнулся в кого-то из пиратов.

– Слышь, – буркнул тот.

Свет фонаря упал на блестящую поверхность силуэта. Статуя! Всего лишь статуя!

– Нам нужен шаман, – смекнул Яки, забрав у меня фонарь и осторожно осветив каюту. Синий свет превращал замерзших людей в уродливых монстров. – Здесь определенно нужен шаман, клянусь шупальцами Темнобога.

Моряк по имени Три Гвоздя присел у двери, с интересом разглядывая мертвецов. У него всегда был немного удивленный вид из-за приподнятых широких бровей и высокого лба, рассеченного глубокими морщинами. На губах постоянно играла таинственная полуулыбка, а взгляд выдавал недюжинный ум. Сейчас он также морщил лоб и улыбался, словно оказался не на замерзшем кладбище, а слушал какую-то байку у печки Полового.

– Лед забрал их, – наконец произнес он. – Они замерзли. Потом их кто-то сюда притащил, но затаскивать внутрь не стал, свалил, как мешки с поклажей.

– На корабле? – не поверил я. – Они замерзли на корабле?!

– Если умирает двигатель и кончается энгу – долго в пустыне не протянуть. Непонятно, почему они не ушли с судна при таком раскладе. Непонятно и любопытно.

У Трех Гвоздей был приятный, глубокий голос. Но его тяга к мертвецам отталкивала меня. Моряк смотрел на трупы с затаенным восторгом.

– Что-то случилось с их шаманами, – предположил Три Гвоздя. – Других вариантов я не вижу.

– Их убила эта штука, – сказал Шон. Он смотрел на статую. – Их убила эта штука, клянусь!

Повисла тишина, мы смотрели на блестящую фигуру человека, воздевшего руки к потолку. Его тело плавно изогнулось в танце, а ниже пояса ноги постепенно сливались вместе, превращаясь в тяжелый постамент. Где-то далеко, на грани мира, слышалось завывание метели, и, клянусь, ее заглушал стук моего сердца.

– Пусть это решает наш шаман. И я очень надеюсь, что душа местного заклинателя льдов кормит шаркунов Темного бога, раз он позволил беднякам так помереть. Пошли по каютам. Здесь мне все ясно, – распорядился Яки. Его голос исказился мертвыми стенами до неузнаваемости.

Мы разошлись. Группа Шона нырнула в дальний коридор, ведущий вдоль всего борта к корме, а мы направились в ближайший.

– Тройка, спустись вниз, скажи кому-нибудь из наших – пусть зовут Балиара и его ублюдка. По-хорошему, и капитану показать это все...

– Хорошо, Яки, – кивнул Три Гвоздя.

Офицерские каюты были пусты, стены обледенели и сиротливо пялились на нас следами сорванных шкафчиков, скормленных спасительному очагу. Кто-то старательно ободрал с тела корабля все, что могло гореть, но оттянуть встречи со всепрощающим холодом так и не смог.

Я не мог перестать думать о кают-компании, где плечом к плечу лежали одереженевшие от мороза моряки, когда-то ничем не отличавшиеся от таких обитателей Пустыни, как мы, от меня или Фарри. Жутко осознавать, что каждый из них был когда-то живым человеком. Любил, шутил, ел, спал, мечтал...

Мы брели по темному коридору, с потолка которого свисали сосульки. Я шел впереди, выставив перед собой фонарь, свет от которого превращал ледяные наросты в зубы неведомых чудовищ. Сердце замирало каждый раз, когда рядом оказывалась какая-нибудь темная ниша. Мне думалось, что именно в этот миг оттуда вырвется затаившееся зло, убившее всех этих моряков. Я дергал рукой, чтобы осветить провал в стене еще раз, успокаивался, но спу-

стя несколько ударов сердца вновь с опаской глазел по сторонам. За мною ступал Коротышка Яки с ножом в руке. Последним шел вооруженный мечом Патт, который жутко нервничал и вздрагивал от каждого звука.

Коридор нырнул вправо, выводя к залу, который простыми кораблями использовался как склад, а на нашем служил тренировочной площадкой штурмовиков.

– Смотрите! – Я увидел темный проем слева. – Смотрите!

Там была дверь. Дверь, заваленная различным хламом. Тяжелые металлические балки, громоздкие детали, ломы, припирающие темную преграду. Команда «Сына героев» пыталась отгородиться от чего-то, тут гадать не приходилось. Мне показалось, что за ней что-то есть. Что-то, до сих пор ожидающее своего часа.

– Посвети, – коротко приказал Коротышка. Он, прищурившись, подошел поближе, разглядывая в синем свечении хаотическую преграду. – Крылья Светлобога, я с утра хотел в галюн зайти... Но потом подумал, что потерплю. А вот теперь понимаю – зря я так подумал. У меня от этого места желудок крутит. Еще часок – и там зародится еще одно страшное и темное божество.

– Идем дальше, – нервно заметил Патт. – Ну его. Потом посмотрим, а?

Яки медленно кивнул. Мои спутники тоже почувствовали что-то непонятное, что-то пугающее.

По кораблю прокатился жуткий стон обшивки, сжимаемой наросшим льдом.

– Проклятье, – чуть не подпрыгнул Патт. – А, скотье племя!

– Тихо, – оборвал его Коротышка. Облизнул губы и посмотрел на меня: – Ну что, юнга, как тебе пиратская романтика? Впечатляет, а?

Я не ответил. Этот вопрос не требовал моей реакции. Коротышка боялся и такими шутками боролся с собственным страхом.

Знал бы он, как мне страшно.

– Идем на склад. С этим пусть старшие разбираются.

Штурвал, отпирающий дверь на склад «Сына героев», заклинило. Мы несколько минут пытались его проверить, но в конце концов отступили, тяжело дыша и переглядываясь.

– Без резаков не обойтись, – попытожил Патт. – Давайте вернемся, скажем нашим. Пусть вскрывают. Что нам-то тут делать?

Он не скрывал страха. В свете фонаря я увидел, как бегают его глаза над заиндевшим шарфом.

– Смотри-ка, Эд. – Яки указал мне на дверь. Приглядевшись, я увидел множество царапин на металле. Кто-то явно пытался пробиться на запертый склад.

– Он изнутри, что ли, заперт? – пробормотал я.

– Похоже на то, так же как и жилые помещения на второй палубе. – Яки потрогал борозды. – Видимо, им так и не удалось пробиться внутрь, пусть отсохнут крылья Светлобога. Что здесь, щупальца мне в задницу, произошло?

В темноте коридоров слышались шаги второй группы. Что-то бубнил недовольный Шон. С каждым мигм наши товарищи приближались, двигаясь по коридору вдоль правого борта. Наконец они вышли к складу.

– Что у вас? – спросил Яки.

– Все нараспашку, ничего интересного, – отчитался Грэг.

– Возвращаемся. Без резаков, шамана и старших офицеров тут делать нечего.

– Нам бы проверить вторую и нижнюю палубу...

– Хочешь проверить? – неожиданно окрысился Яки.

– Ты зря так нервничаешь, Коротышка. Тут нет ничего, кроме трупов. Или ты мертвецов боишься? – улыбнулся моряк. Стоявший за его спиной коренастый Скотти хмыкнул на слова

приятеля. – То, что мертво, – уже не опасно. А так – вдруг мы что-нибудь интересное накопим? Капитан учтет это, когда будет делить добро.

Коротышка кивнул, не желая спорить.

– Тут нет ничего страшного, Яки. Всего лишь покойники. Успокойся.

Шон с раздражением покосился на Грэга, но ничего не сказал. Я расстроено понял, что слова смельчака возымели действие на старшего матроса и нам придется спуститься вниз, во тьму мертвого ледохода. Яки плотно сжал губы и тряхнул головой.

– Это все та тварь во льдах... – попытался он улыбнуться. – Щупальца Темнобога мне в задницу, это все она виновата.

– Вот и ладно. Идем.

На третьей палубе с труб оборвали все тряпки, со стен было содрано все, что могло гореть. Баки с топливом, чудовищно сухие, прорублены у основания. Те, кто устроил здесь такой хаос, до последнего пытались выжить. В ход шло все, что могло дать хотя бы лишнюю минуту спасительного тепла.

Так обидно, что им все равно не удалось выбраться... Столько яростной борьбы за жизнь – и финал: обледеневший труп у подножия жуткой статуи.

При мысли о ней меня передергивало.

В одной из мастерских мы обнаружили целую гору раскуроченных шаманских фонарей. Несчастные пытались добыть из них хотя бы каплю энгу для печи. Тут же грудой были свалены дальнбои, без единого патрона поблизости.

– Почему они не пытались уйти по льду? – задал волнующий всех вопрос Шон.

Я вспомнил о тенях в метели. Хотел было сказать о своих опасениях, но сдержался, не желая показаться паникером.

– До ближайшего порта сотня-другая миль, – проговорил Грэг. – У них не было ни единого шанса. Тем более что путевиков поблизости нет. Собственно, они знали, на что шли, когда выбрали суть Пустыни.

Пираты закивали, одобряя слова товарища. Все, кроме Шона и Патта.

– Но теперь то, что не нужно им, принадлежит нам. Добыча есть добыча, и я рад, что она досталась нам без драки, – хмыкнул Грэг.

Мы выбрались к трапам в тот момент, когда в прорезанную в борту дыру протиснулись двое абордажников и сам Гром. Капитан вошел, втянул носом затхлый воздух мертвого корабля и, увидев Яки, сразу спросил:

– Склады проверили?

– На первой палубе заклинило штурвал, надо резать. На второй вход в жилой отсек заблокирован. Склады тоже заперты. Но второй мы вскользь просмотрели...

– Понял. Эй, там, резак на борт, есть работа.

– Тут в кают-компании есть нечто странное.

– Знаю. Балиар сейчас будет, – оборвал Яки капитан. Он сорвал с лица шарф, осмотрел нас и ткнул пальцем в Шона: – Ты осмотри вторую палубу. Проверь подходы в рубку – может, найдется что из техники, хе-хе.

Моряк побледнел:

– Один?!

– А чего ты боишься, гребаная шаркунья поросль? Призраков?

Абордажники заулыбались, с насмешкой глядя на моряков.

– Та тварь... – попытался сказать Шон, но Дувал резко его прервал:

– Та тварь находится за бортом, а не на борту. – Он окинул нас взглядом. – Возвращайтесь на «Звездочку». Пусть спускают лайар и готовят шлюз. Клянусь требухой всех ледовых демонов мира, тут должно быть чем поживиться!

После темноты корабля яркий свет Пустыни заставил меня зажмуриться. Машинально хлопнув себя по груди, чтобы проверить компас, я выпрыгнул из зияющей дыры на лед. Ветер взвыл, стеганул колючей крошкой.

– Что у тебя там? – гаркнул мне в ухо Волк. Он, вооруженный дальнобоем, стоял у выхода и видел мой предательский жест.

– Чего тебе от него надо? – поинтересовался вылезший вслед за мною Яки.

– Показывай, ворюга. Стащил что-то с корабля?

Я крепко стиснул зубы от злости и страха, прищурился, защищая глаза от снега.

– Показывай, я сказал. – Волк одним движением закинул дальнобой на плечо и грубо притянул меня к себе. Рядом тут же объявился Сиплый, многозначительным взглядом остановивший Яки. Тот, собравшийся было разразиться гневной тирадой, осекся.

Нашарив компас, Волк рванул на мне парку, отчего та с треском разошлась.

– Ты чего делаешь? – не выдержал Яки. – Вконец оледенел?!

Я вцепился в руку абордажника, едва чувствуя ее сквозь плотную одежду, но соревноваться мощностью с офицером штурмовиков было нелепой затеей. Волк с силой оттолкнул меня прочь и уставился на компас.

– Ну так и есть, стащил!

– Я заявляю, что юнга находился всегда у меня на виду и ничего стащить не мог! – рявкнул взбешенный Яки.

– Это мое! Отдай, – процедил я. Абордажник с насмешкой посмотрел на меня, подбрасывая в руке компас.

– Отдай. – В перепалке возник новый участник. Вездесущий Мертвец появился за спиной Волка, и тот даже вздрогнул от того, как неожиданно нарисовался первый помощник.

– С какой стати... – повернулся к нему штурмовик.

– Старший матрос сказал, что юнга ничего на борту не брал, – равнодушно отметил нежданный спаситель. Взгляд его скользил по заметно увеличившемуся оцеплению, игнорируя вздувшийся от ярости шрам на лице Волка.

– Мало ли что он сказал.

– Воровство или насильное овладение чужим имуществом карается отсечением левой руки. При отсутствии левой – отсекается правая, – флегматично заметил Мертвец. Сиплый крикнул разочарованно и отвернулся от нас.

Волк разжал кисть, и компас грохнулся на лед. Молча разъяренный штурмовик отошел в сторону, а первый помощник, переступив через брошенный артефакт, двинулся вдоль борта дальше, будто ничего и не произошло.

Я схватил компас и сунул его за пазуху, чувствуя, как мороз проникает в прореху парки. Ветер в несколько секунд выдул тепло, накопленное телом. Кожа стала неметь. Шумно вдохнув, я поднялся на ноги.

Неподалеку от нас в оцеплении стоял Торос и смотрел на меня. Я не разглядел его глаз, но чувствовал, как жжется взгляд Неприкасаемого. Он наверняка видел, как штурмовик тряс меня, словно нашкодившего зверька.

– Пошли, Эд, околеешь, – буркнул мне Яки, буравя взглядом Волка.

Меня душили злость, обида и невероятное чувство благодарности к справедливому Мертвецу. Проклятье, пока что мне везло. Но вряд ли это будет продолжаться вечно.

От «Звездочки» к «Сыну героев» протянулась цепь вооруженных штурмовиков, организовав некий коридор безопасности. Корсары с сетчатыми очками на замотанных шарфах лицах вглядывались в метель, ожидая нового нападения.

– Все-таки врагов надо выбирать по росту, Эд, – сказал мне Коротышка. Мы, пригнувшись, прикрываясь руками от ударов метели, брели к кораблю. За нами следовали остальные

палубные моряки, кроме неудачника Шона. Ветер задувал мне в прореху парки, и я старательно стягивал ее свободной рукой. Как же холодно!

С каждым шагом мысли отступали в тень, освобождая место для «как-же-холодно». Буквы росли, обрастали ледяными шипами и потихоньку занимали все мысли.

Как же, драный демон, холодно!

– Врагов вообще не выбирают, – ответил я Коротышке. Зубы застучали от мороза. Челюсть затряслась, будто в нее вселился ледовый демон. Но в мыслях я с наслаждением прыгал на Волка и молотил ему компасом по лицу, превращая злобу абордажника в животный ужас. Яркий образ отвлек меня от холода, но сразу же напомнил вспыльчивого Эльма. Несдержанность циркового силача, оставшегося в моем прошлом, привела его на дурную дорогу. Мне очень не хотелось повторять ее, и я постарался выбросить из головы и Волка, и Сиплого, и Зиана.

Мороз с охотой задвинул их ухмыляющиеся рожи за огромные ледяные буквы:

«КАК ЖЕ, МАТЬ ЕГО, ХОЛОДНО!»

Мне навстречу попался Зиан, словно выпрыгнул из представлений. Молодой шаман помогал идти Балиару, который с ощутимым недовольством направлялся к «Сыну героев». По бокам от процессии шли два палубных матроса с простыми метателями. Следом шагал понурый доктор Кван с сундучком инструментов. И его выдернули на лед. Хитрый Лис, беглый гильдейский врач, наверняка «пропал» где-то на нижней палубе, и вместо него пришлось идти вечно грустному Квану-самоучке.

Ан Варр радушно улыбнулся мне, но в душе его передернуло от моего вида. Ученик шамана и не догадывался о моем даре эмпатии. Он вел свою игру. Игру всепрощающего ублюдка, натравившего на меня своих оледеневших дружков. Я встретил его взгляд с безразличием.

ХОЛОДНО!

Холодно!

Светлый бог, как же холодно.

Последние несколько десятков ярдов я пробежал, уворачиваясь от гигантских ледяных букв и мечтая о тепле.

На лед меня в тот день больше не выпускали. Настоял на этом Яки, потребовав, чтобы я починил парку, и выдал мне иглу и грубую нить. Однако едва тело окутало тепло отапливаемых палуб, как дала знать о себе бессонная ночь. Глаза слипались сами собой, и потому я отправился прямо на кубрик, где уже спал Фарри. Плехнувшись на топчан, я стащил унты, сбросил на пол парку, шапку, шарф, стянул меховые штаны и забрался под одеяло. Теплый свитер я скомкал, подложил под голову, и едва коснулся его затылком, как меня сморило.

Мне снилась Лайла. Я сидел в таверне, как обычно, в первом ряду и слушал, как поет слепая сказительница. Хотя в моем сне у нее были прекрасные изумрудные глаза, и взгляд самой красивой девушки в мире не отрывался от меня. Вокруг веселился битком набитый трактир, но я знал – невзирая на шум и гам пьяных моряков, в реальном мире существовали только я и она.

По-моему, Лайла и пела про меня. Не знаю, этого уже не помню. Потом мы много говорили, ходили по каналам Снежной Шапки, трогательно взявшись за руки. У меня щемило сердце от счастья. Над нами растекалось красно-синее небо, с городских стен нам салютовали стражники в белых тулупах, и мне казалось, что так будет вечно. Так будет всегда.

Когда проснулся, я едва не всхлипнул от утраты. Лайла тоже осталась в той, прежней жизни.

Глава пятая

Оно рядом

– Они взяли эту штуку с собой, представьте себе! – Шон сидел у печи и смотрел на нас, собравшихся вокруг и отдыхающих после изнурительных работ по погрузке. Меня даже потряхивало от изнеможения. Почти весь день мы таскали из грузового отсека «добычу» на теплый и холодный склады второй и третьей палубы, пока штурмовики хоронили товарища, отчего-то не допустив к обряду никого из «низших» каст.

– И что, Шон? – Скептический Грэг покачал головой. – Не придумывай чудовищ. Вечно ты так: как затянешь песню ужаса – так хоть голышом на лед выходи.

– Ты видел ее? Видел? У нее такая же шерстяная морда, как у той твари во льдах! И у той, что у шамана...

– Видел, – перебил его Грэг. – У половины обитателей Пустыни такие морды. Так теплее. Перестань, а?

Шон резко махнул рукой, не желая слушать Грэга.

– Эх, Шон-Шон, – ехидно протянул Скотти.

– Ой, да что с вами говорить!

Я зевнул и поплотнее обхватил колени. Мышцы превратились в жидкую похлебку мастера Айза. Казалось, толкни меня кто в бок – и я завалюсь, не в силах удержаться. Впрочем, слева от меня сидел Фарри, глаза которого сонно блестели.

Вообще из палубной команды статую видели не все. У нескольких моряков и на борту нашлась работа. Половой, который тоже не выходил на лед, тщательно следил, чтобы обычный распорядок не менялся. И я думал, что если двигатели «Звездочки» смолкнут и мы потеряемся в Пустыне – старший матрос все равно будет дотошно следить за чистотой палуб, смазкой в механизмах дверей, порядком на камбузе и сотней-другой разных мелочей, заставляя работать своих подчиненных.

Сейчас же наступило заслуженное время отдыха, однако, вместо того чтобы расползтись по лежакам и погрузиться в сон измождения, мы собрались вокруг печи, найдя для того десяток поводов. Кто-то сушил одежду, кто-то грелся, кто-то просто дремал, полулежа, в мнимой защищенности.

Разговоры сами собой переходили на тему мертвого корабля и сегодняшней добычи. Шон, черный проповедник кошмаров, был сам не свой. И я видел, что некоторые моряки разделяют его опасения. Хотя и молчат, позволяя товарищу снискать славу паникера. Иногда страх быть осмеянным приглушает истинные ужасы.

– Нет. Вы не понимаете. Ничего не понимаете! Статуя и тварь во льдах связаны друг с другом, и да пусть сожрет меня Темнобог, если я ошибаюсь, – выдохнул Шон, у которого хватало смелости и глупости бояться вслух. – Статуя проклята! Мы все в опасности!

– Балиар сказал, что все в порядке. Зиан старику не доверяет, и я видел, как он эту штуку едва ли не обнюхал, но тоже ничего такого не почувствовал. Они оба подъем Темного бога чувствуют дней за пять, а не за два, как многие. Все в порядке, Шон, перестань. – Грэг говорил очень мягко, но уже терял терпение. – Они-то побольше нашего знают. Так что не бойсь, Шон. Все хорошо. Добычу сняли шикарную. Одна древесина чего стоит. И зерна несколько десятков мешков. Да и статую эту продадим и выручку поделим. Тоже ведь монетка, верно? И нам доля будет посolidнее, а тебе так и вовсе двойную дадут за то, что один вторую палубу проверил.

Шон нервно улыбнулся. Слова о добыче слегка привели его в чувство.

– Это не к добру, помани мое слово. Этот корабль не просто так во льдах остановился. Тут все совсем не просто! – менее настойчиво проговорил он. Патт согласно кивал, глядя исключительно на печь и голубые огни за заслонкой.

– А я все проспал, – посетовал лохматый Галай. – Хотел ведь лишь несколько минуток полежать! И Половой, шаркуний сын, не разбудил. Порядок, говорит, нужен. Мол, выспаться надо. На самом деле... На самом деле он неправ. Я тоже не отказался бы от двойной доли. Можно было бы и спросить.

– Если говорить о странностях, то отчасти я согласен с Шоном, – подал голос Три Гвоздя – он с мечтательным видом сидел у самой печи и грел руки. – Есть несколько загадок, которые лично мне весьма интересны, друзья мои.

Я, скрывая неприязнь, посмотрел на него. Чем-то он напоминал убитого мною Звездного Головача. Нечто непонятное, недоброе таилось за его задумчивой улыбкой. Всегда опрятный, аккуратный, с очень светлыми глазами (такими светлыми, что мне казалось, будто он слепой). Никто на корабле не знал настоящего имени Трех Гвоздей. Но никто и не вправе был требовать от него правды. Что осталось в порту – то осталось в порту.

– Это какие же? – не сдержался я.

– Он про труп на складе. И про покойника в той каюте, что была завалена снаружи, – хмыкнул Грэг. – Три Гвоздя же из дознавателей и не умеет верить в то, что люди бывают разные. Поверь, Три Гвоздя, кто-то из пустынников просто перетрусил и заперся на складе, делов-то. Не надо искать в этом происков демонов и коварных замыслов.

– Да?! А их шаман у себя в каюте тоже сам заперся, да? Со зверодемоном?! А потом еще и двери завалил снаружи?! – возмутился Шон.

– Что-то там произошло, это точно, – примиряюще поднял руку Грэг.

– Надо думать, – фыркнул Фарри. – Весь корабль вымер, вот что произошло.

Мой приятель сонно потянулся.

– Тот, кого нашли на второй палубе, в запертом общем зале, в конурке у плиты, умер скорее всего от голода, – заметил Три Гвоздя. – Я интересовался у нашего дока. Кван сказал, что от бедолаги кожа да кости остались. А вот склад и судьба шамана... Да, это вот очень интересно. Но картину восстановить можно и так. Я предполагаю, что умер шаман...

– И вход в его каюту загородили, чтобы он не выбрался?! – сорвался на крик Шон. Он попытался скрыть это под улыбкой, но я почувствовал его накипающее раздражение.

– Пасть хлоп, – огрызнулся на него Сабля, лучший друг Трех Гвоздей. – Чего орешь?

– Да он оледенел вконец, что за чушь несет?! Шамана грохнул зверодемон! И его заперли там!

– Зверодемон умер прежде шамана, Шон. Будь спокойнее и добрее. Скорее всего, они подобрали этого красавца во льдах, и шаман не будь дурак решил изучить странную зверушку. А потом неожиданно умер. Понятно, что все связано с этими тварями из Пустыни. Но почему дверь заперли снаружи?! – невозмутимо продолжил Три Гвоздя. – Тут точно есть логичный ответ. Когда-то давно я работал помощником у боевого инспектора Риверайса. Это один из городов Содружества... Хорошее место, но...

Взгляд Трех Гвоздей затуманился:

– Это не столь важно. Главное – он учил, что просто так ничего никогда не случается. У всего есть объяснение. Даже у появления Темного бога. А дар шаманов так и вовсе наука чистого снега, со своими законами, которые при желании можно понять.

– Тройка, давай ближе к делу, – прервал его Сабля. – Красиво трещишь, мать, но скучно.

Кто-то из корсаров согласно буркнул, и Три Гвоздя с великой охотой отвлекся от воспоминаний:

– Хорошо. Абсолютно точно – двигатели корабля встали, сдохла общая система отопления. Трубы разорвало по всему кораблю. Значит, энгу не кончилась, а ее уничтожил шаман. Только так можно было загубить незамерзающие смеси в трубах. Ставим галочку – это наверняка ответ, почему его заперли, но загадка, почему не убили. Продолжаем: черные твари явно уже тогда были рядом с кораблем. Во-первых, труп зверодемона в каюте, во-вторых – команда

бы бросила ледоход и отправилась в Пустыню. Дураку понятно, что не от хорошей жизни моряки остались на борту. Так как патронов к дальнобоям мы не нашли, а оружия хоть завалилось – сражаться со зверодемонами пытались, пока не кончились снаряды.

Моряки заворуженно слушали домыслы Трех Гвоздей, а тот просто упивался размышлениями.

– Они оставались на второй палубе, сносили трупы на первую, не знаю почему. Может, чтобы держаться от них подальше. Люки на третью, техническую, палубу задраены. Что-то там их пугало не меньше тварей снаружи. Может, лаз какой? Мы ничего не нашли, и следов резни внизу тоже не было. Кто-то, видимо, сошел с ума, иначе я не могу объяснить труп на складе, забитом деревом и жратвой. Заперся от своих же и покончил с собой. Резаков на борту не оказалось, дверь вся иссечена ломом, то есть пытались пробиться внутрь. Понимали, что тепло – это жизнь. Если бы не тот оледеневший, могли бы и подольше протянуть. Ну а последний умер от голода на камбузе. Хорошо, что не стал товарищем грызть. Всяко ведь бывает. Не каждый удержится.

– Тебе так это нравится? – не удержался я от вопроса.

– Я просто хочу знать правду, – не обиделся он. Тепло встретил мой взгляд и развел руками. – Просто очень люблю находить ответы на загадки. Разве это достойно порицания?

Три Гвоздя дождался, пока я отведу взгляд, беззлобно хмыкнул и продолжил:

– Если бы не труп шамана, то головоломка сошлась бы. Когда он умер? До того, как его заперли, или после? Почему он уничтожил запасы энгу? Может, его в чем-то обвинили, а он в отместку спалил им топливо. Но тогда почему не открыли и не порвали на куски? Если он сошел с ума, то все равно – отчего его не разорвали на части? Почему они задраили люки на третью палубу и сносили трупы на первую?

– Потому что все было не так, как ты говоришь! – процедил Шон, его колотило от злости. – Потому что мы взяли на борт проклятую статую! Мы должны от нее избавиться!

– Иди и вякни такое Дувалу, умник, – буркнул Сабли.

– Как вы не понимаете? Оно и нас убьет! Черная воля поганой статуи!

– Шаман наш, кстати, едва ли не плясал от радости, когда закончили обыск каюты их заклинателя. Что-то он тоже себе присмотрел, – сказал Три Гвоздя. – Но вот когда зашел – дернулся так, словно ему пику в задницу вогнали. По-моему, даже вскрикнул. Я было подумал – все, отмаялся старик, кончится прямо тут, над трупом товарища. Потом вижу – ожил, засуетился.

Замерзшее тело таинственного заклинателя, погибшего в своей каюте, доставили на третью палубу. Доктор Кван с подозрением отнесся к инициативе нашего шамана исследовать причину гибели соратника по пути Льда, но спорить не стал. Ему хватило бессмысленной, на его взгляд, работы на мертвом корабле. Я видел, как двое механиков утащили труп шамана в дебри третьего уровня. Где-то там скрывалась лаборатория Балиара.

– И труп того зверодемона на борт приволокли, – добавил Шон. Нервно похлопал по сохнувшим у печи вещам и передернулся. – Совсем головы нет у командиров.

– Ты труслив, как баба, – сказал Сабли. – И брехлив, как старая вонючая шавка. Никого не волокли, мать!

– Чего-о-о?! – побелел от ярости Шон, попытался вскочить, но ему на плечо упала рука Громилы. Самый молчаливый и самый огромный моряк в палубной команде редко совершал лишние движения, но если он это делал – остальные замирали, словно застигнутые врасплох олени, и безропотно ждали, когда силач сделает то, что собирался. Громила легко усадил Шона обратно на место.

У Сабли хватило ума больше не задирать бедолагу Шона, от которого по кубрику растекались волны суеверного ужаса и возмущения.

– Хватит страшать друг друга, братцы. Капитан дал приказ двигаться к Приюту. – Грэг с хрустом потянулся и с торжеством оглядел оживившихся товарищей. – Так что скоро продадим эту статую, и Шон успокоится.

– А что такое Приют? – спросил Фарри.

– Приют – это поселок, где одна торговая гильдия никогда не задает неудобных вопросов. Капитан скинет там груз, так удачно подаренный нам Темным богом. А пока он будет торговаться и утрясать дела – мирным морякам «Звездочки» обеспечена пара вольных вечеров. Дом матушки Розинды и кабак «Лед и Пламя». – Грэг расплылся в счастливой улыбке. – Давно мы у них не были, да, братцы?

– Ну так, мать, давненько, – закивал Сабля. – Надеюсь, та рыжая сучка еще работает у Розинды. Ох, я бы сейчас с ней! – Он с намеком хмыкнул.

– Я рассказывал вам о кабаке одном, на Берегу? – вклинился Орри. Пираты промолчали, хотя даже я слышал эту байку. – Там была такая история, о! Мы туда попали с Дамасиком, сыном короля Ледового Братства. Вот там были шлюхи так шлюхи! Мы приехали пьяные-препьяные, на личном ледоходе Дамасика. Ну там все было здорово! Прямо с трапа вышли в сад, столько зелени, вы не представляете. Настоящий лес прямо у порта. Потом отправились в кабак. У Дамасика все схвачено! У порта нас подобрали на самоходке, играли бардеры, а мы пили китовую настойку и в ус не дули. Приехали в кабак, а там, представьте, нас сразу узнали, отвели в специальный зал, и там сидели девочки. За стеклом, голехонькие, красивые. Мы в ту неделю меньше шести на ночь не брали. Знаете как там? У каждой номерок, у каждой свой цвет на табличке, кому подешевле, кому подороже. Я там увидел одну красавицу – сразу захотел! Подозвали мастера, он в нас сразу господ признал, прибежал такой, кланяясь. Мы и выбрали девочек на ночь, и ту красотку в первую очередь. А потом, представьте, она мне сказала, конечно, после того как я всю ночь ее буравил, – что сразу меня заметила и переглянулась специально с подружками, чтобы те на меня не смотрели, чтобы я выбрал именно ее. Такая классная была! Вообще Берег – славное местечко! Ходили с Дамасиком в одну лавку, там служанка красивая была. Я ей улыбнулся – так она мне прямо в чулане моего большого Орри порадовала! Говорила, что я хороший человек и она хочет сделать мне приятное.

– Заткнулся бы ты, Орри, – оборвал его Сабля. – Сказочник.

– Это правда! Вот, смотри! – Тот рванул на себе одежду, показал татуировку на груди. – Вот! Это она мне сделала!

Орри постоянно рассказывал небылицы, ему никто не верил, но крайне редко кто перебывал моряка. Я видел, с каким мечтательным выражением лица слушает его Громила, верящий любому слову болтуна. Чувствовал, как завидуют ему другие моряки, кто мира не видел.

– В твоей истории, Орри, нужно указывать поменьше деталей. У Ледового Братства нет короля, – улыбнулся Три Гвоздя.

– Да идите вы! – возмутился пират.

Мы с Фарри, не сговариваясь, отправились к своим лежанкам. У нас выдался очень тяжелый день. Моего приятеля что-то тревожило, и я понял, что от разговора уйти не удастся (хотя так хотелось лечь и уснуть). Устроившись поудобнее, он покосился на спины сидящих у печи моряков и тихо проговорил:

– Приют – это шанс, Эд!

Я понял, к чему он клонит. Но сейчас так не хотелось разговаривать. Приятная истома усталого тела окутала меня с ног до головы. Пусть весь мир летит в ледовый ад, а мне было так хорошо, так славно.

– Эй! – Фарри не унимался. – Что скажешь?

– До Приюта еще надо добраться, – все же ответил я.

– Нам нужен план, Эд! Без него это как жить во льдах на одном месте, пока тебя не слопают Темный бог!

Я тяжело вздохнул и повернулся на бок. Глаза Фарри блестели в свете тусклого фонаря, будто за ними горел огонек.

– Надо узнать побольше об этом Приюте, – сдался я наконец. – А пока мой план – не попасться Волку или Сиплему в темном переходе.

– Не самый плохой план, конечно. – Фарри закутался в одеяло и буркнул: – Но моя роль в нем мне непонятна.

Мне и своя-то роль была не совсем ясна.

– Ладно, давай спать, – решил мой друг. – Что-нибудь придумаем.

Следующая пара дней прошла так спокойно, словно ничего и не случилось. По кораблю ползли жуткие слухи о теле твари, которую Балиар ан Вонк забрал на нижнюю палубу, но ни капли правды в них не было. Кто-то говорил, что теперь ночью по коридорам внизу ходит призрак замерзшего шамана с «Сына героев» и пугает механиков. Кто-то говорил, что трупы давно выбросили за борт. Яки в шутку предположил, что мясо усопшего колдуна нам скормил мастер Айз, чем вызвал очередной приступ ужаса у Шона, над которым теперь потешалась почти вся палубная команда, кроме разве что Громилы, не способного на насмешки, и Патта, тайно поддерживающего опасения Шона.

Странную статую поставили на холодный склад нижней палубы, и про нее никто, кроме Шона, не вспоминал. Разговоры все чаще крутились вокруг Приюта. Фарри ненавязчиво выяснял любые детали о затерянном во льдах поселке и позже во всех подробностях рассказывал мне. Он жаждал действия, мечтал о переменах. Путешествие на «Звездочке» давалось ему значительно труднее, чем мне. Его манило будущее.

А меня оно, наоборот, пугало. Страшно сказать, но эта корабельная жизнь была мне по душе. Трапезы в столовой под шутки и дружный гогот моряков. Работы по палубе, после которых мыслей почти не оставалось и хотелось лишь добраться до лежака. Темная вонючая баня раз в неделю, когда жар проникает до костей и ты забываешь о холоде там, снаружи.

Пару раз я сталкивался с Зианом, чувствуя, как ему противен один мой вид. Но меня он больше не задира. Волк и Сиплый эти дни мне тоже не попадались. Можно сказать, дела пошли на лад.

Казалось бы...

В тот вечер я опять сидел у печи, вместе с еще бодрствующими моряками. Палубная команда старалась вести себя потише, чтобы не будить товарищей, заступающих в ночную смену. Когда загудела дверь в коридор – мы посмеивались над раскатистым храпом Яки, которого боцман Гайн Крюкомет Ойле проклял рулевыми вахтами, а Мертвец приучил спать где угодно, но только не за штурвалом. Так что Коротышка пользовался любой свободной минуткой, чтобы вздремнуть.

На кубрике появился Половой.

– Бауди, иди сюда.

Моряки словно и не заметили появления старшего матроса. В конце концов, он частенько так выдергивал кого-то на работы. Но я понял, что на сей раз все не так-то просто. Старший матрос смотрел куда-то в пол, и желваки на его скулах ходили как умалишенные. Что-то случилось.

– Да, мастер старший матрос? – сказал я, едва приблизился к моряку.

– Идем, – буркнул он. Что-то тревожило Полового. Он старательно прятал от меня глаза.

– А куда?

– Мать твою, не болтай. Идем!

Пожав плечами, я последовал за ним. Вместе мы прошли по коридору на камбуз, где колдовал мастер Айз.

– Отнеси ужин шаману, – сказал Половой.

– Оно уже носило. Может, не надо? – скептически отреагировал на это кок.

– Кто-то же должен кормить Балиара? А то он там околеет над своими книгами.

– Стюарды Ворчуна нам на что?

– Спроси об этом Ворчуна, а? Ты видишь тут кого-нибудь из его шакалов?

– Это – опять в драку влезет, – убежденно вздохнул толстяк Айз. – Пожалей его, что ли.

Половой промолчал, а я, получив в руки поднос с кастрюлей, почувствовал холодок на спине. Старший матрос так старательно не смотрел в мою сторону, что стало жутко.

– Иди, – буркнул Половой и прошел в столовую, где плюхнулся на ближайшую лавку, тяжело вздохнул и положил голову на руки. Он невероятно нервничал. Переживал и боялся того, что ждало меня там, внизу. Он знал, куда меня посылает. Знал, кто там будет.

Волк и Сиплый не забыли маленького юнгу.

Я хотел спросить у него, почему он отправляет меня одного, без Фарри, но в тот же момент стал сам себе противен. Мы оба знали ответ на этот вопрос. Озвучить его – значит признаться в собственной трусости.

– Чего встал? – поднял голову Половой и увидел, что я все еще торчу на камбузе с подносом в руках. Мы встретились взглядами, и он вдруг отчетливо понял, что я *знаю*. Губы старшего матроса дрогнули, глаза прищурились, и, поборов смятение, Половой рявкнул:

– Иди, мать твою!

И я отвернулся от него. Вышел из камбуза, чувствуя на себе сочувственный взгляд Айза, и свернул к трапу.

Кок даже без дара эмпатии уловил, что происходит нечто скверное. Он хотел меня остановить, но посмотрел на Полового и передумал.

«Ты знаешь, КТО тебя ждет».

Стало интересно – почему старший матрос так поступил? Ему угрожали? Его заставили? Или... Вдруг он по собственной воле послал меня туда? Вдруг он действительно хотел, чтобы Волк и Сиплый вправили мне мозги? Воспитали зазнавшегося юнгу.

На миг я даже пожалел о том, что тогда не стерпел плевка молодого шамана. Но только на миг.

Путь до нижней палубы пролетел в одно мгновение, и передо мною вновь оказался уже знакомый трап. Окунувшись в царство грохота и тьмы, я плотно сжал зубы и быстро зашагал по темному коридору. Будь что будет. Кто предупрежден, тот вооружен. Здесь, среди десятка мелких комнат и лабиринта узких переходов, меня не ждет ничего хорошего. Но в этот раз я буду осторожнее.

За мною кто-то шел. Я услышал его тяжелые шаги вскоре после того, как сошел с трапа. Остановился, обернулся через плечо и увидел Сиплого. Сердце екнуло, подскочило к горлу, но сам я ничем не выдал своих переживаний.

– Иди-иди, – почти ласково сказал абордажник.

Скулы свело от напряжения. Я вцепился в поднос, готовясь к тому, чтобы отбросить в сторону кастрюлю и использовать металлический лист как оружие. Половой-Половой... За что ты так со мною?

В следующем коридоре, ведущем к каюте шамана, стоял Волк. Почти на том же самом месте, где когда-то я столкнулся с Зианом. Абордажник прислонился к стенке и, скрестив на груди руки, терпеливо ждал. Увидев меня, офицер штурмовиков широко улыбнулся.

– Вот ты и попался, гаденыш.

– Не здесь, – просипел за моей спиной его товарищ. – Половой сказал, чтобы потише. Он сказал, что эта подсобка будет открыта, Волк. Для нашего дела, Волк.

Штурмовик кивнул, сдвинулся с места и пнул ногой дверь в какую-то подсобку. Та распахнулась.

– Заходи, – указал в темноту Волк.

– Никуда я не пойду.

– Не заставляй меня применять силу.

Я посмотрел на дверь шамана в конце коридора. Может, стоило закричать? Вдруг старик почувствует неладное?

– Его нет, – заметил мой взгляд Волк. – Тебя здесь никто не услышит. Давай, заходи. Ты ведь не хочешь, гаденыш, разозлить меня и Сиплого. Мы можем перестать быть добряками, а нам надо потолковать о твоём поведении, юнга. Оно нам очень не нравится. И сделать мы это хотим не в коридоре. Ага?

Я сглотнул подкативший к горлу комок и сделал шаг к двери. Светлый бог, да что с ними такое? Что Зиан про меня наговорил?! Стоил ли его синяк таких вот приключений?

– Хороший мальчик, – кивнул Волк и хищно улыбнулся. Он расслабился, поняв, что я не стану делать глупостей. Моя нога коснулась порога в темную комнату, дальний конец которой скрывался в черном небытии. Плечи словно одеревенели. Что я делаю? Что я, драный демон, делаю? Неужели я пойду на это так безропотно, словно тупоголовый снежный олень на нож забойщика?

– Чего встал? – подогнал меня Волк. Я обернулся на него и зло прищурился.

Котелок с обжигающим мясом попал ему прямо в голову. Взревев от ярости и боли, абордажник взбешенно шагнул ко мне, но я приложил его освободившимся подносом по лицу и отпрыгнул в сторону.

– Тварь! – взвыл офицер штурмовиков, стряхивая с себя волокнистое мясо бродуна и вслепую замахнувшись кулаком. Я уклонился от удара, но в тот же миг в проеме возник Сиплый. Мне показалось, будто меня приложили молотом. В глазах потемнело, и я спиной вперед влетел в комнатку. При падении от столкновения с полом клацнули челюсти, чудом не раскрошив зубы.

– Он мой, Сиплый! Дай его мне! – По лицу Волка пошли красные пятна ожогов. – Пусти!

Я перевернулся на живот и встал на четвереньки, плохо соображая, где нахожусь. Слева и справа шипели паром трубы, здесь душно пахло сырыми тряпками. Я где-то уронил поднос и никак не мог понять, куда он делся, бестолково шаря по сторонам и натываясь только на грязь, на липкие лужицы смазки, на крошечные металлические детали.

Инстинкт потащил меня в темноту узкой комнаты. Быстро перебирая руками и ногами, я слышал, как штурмовики идут за мной. В голове чуть прояснилось.

Что делать? Драный демон, что делать?! За что они со мной так?!

Волк не прекращал изрыгать витиеватые ругательства. Сиплый молчал, неторопливо шагая по пятам. Он наслаждался унижительным «бегством» жалкого шаркуна. Торжествовал, глядя на трусливую тварь, уползающую назад в помойную яму.

И в тот момент я сделал то, чего никак нельзя объяснить логикой или хотя бы зачатком разума. Мне нужно было спрятаться или нырнуть в темноту и найти хоть что-то, что помогло бы мне в схватке со штурмовиками. В конце концов, попытаться найти какой-нибудь другой способ выбраться из передраги. Но вместо этого я собрался с силами, встал на ноги и повернулся к преследователям лицом. Сжал кулаки. Проклятье, в тот момент для меня не было ничего важнее того, чтобы выжечь это противное наслаждение Сиплого из его души. Пусть даже ценой собственной жизни. Лейтенант изумленно хрюкнул.

– Ну, прощайся с жизнью. Сиплый, давай веревку. Хотел я по-хорошему, но не все можно прощать, да? – прошипел Волк.

Я бросился на него с кулаками, надеясь прорваться мимо штурмовиков в коридор. Тщетная попытка. Схватка шаркуна против ледового волка. Мои слабые удары прошли мимо цели:

ошпаренный абордажник ловко блокировал их, а затем хакнул и пнул меня в живот. Задышавшись, я рухнул на металлический пол. Мир покраснел, и мое сознание сузилось только до одного слова.

«Дыши!»

– Вот подходящая труба, Сиплый! – услышал я сквозь шум в ушах. – Вяжи.

Он еще раз пнул меня по ребрам.

– А ты кричи! Кричи, гаденыш! Твою мать, ты у меня закричишь!

– Отошел от него, – послышался спокойный голос из глубины комнаты. Волк и Сиплый изумленно застыли.

Я не видел, кто прятался в темноте узкой и длинной подсобки, но почувствовал, как кто-то подошел ко мне, бесцеремонно перешагнул и остановился между мною и штурмовиками.

– А теперь слушайте очень внимательно, – с угрозой заговорил человек. Я повернулся на бок, чувствуя, как болят на вдохе ребра. Надо мною несокрушимой горой возвышался бородатый Торос.

– Игра закончилась. Этот щенок под защитой Неприкасаемого.

– Это не твое дело... – попытался сказать Волк, но бородатый воин ордена его прервал:

– Теперь это дело Тороса.

Волк хотел что-то еще сказать, но тут мой заступник шагнул вперед, словно танцуя. Я даже не увидел, что он сделал, но оба абордажника, стоявшие плечом к плечу, рухнули на колени и скорчились от боли.

– Торос тоже умеет не оставлять следов для Мертвеца и капитана, – сказал Неприкасаемый. – Торос многое умеет. Вы не знаете и десятой части, как можно покалечить, и даже Лис не разберется, что случилось. Вы считаете себя прожженными мерзавцами, да? Так поверьте, вы – ничто рядом с Торосом.

Голос воина звучал мягко и успокаивающе, а его манера говорить о себе в третьем лице навевала трепет.

– Щенок теперь принадлежит Торосу. Если Торос только почувствует, что вы к нему подошли, – он сделает страшное. С обоими, даже если второй будет не виноват. Это доходчиво?

Волк и Сиплый внимали Неприкасаемому с яростью, обидой и страхом. Они понимали, что Торос не шутит.

– Торос считает до пяти, и вас тут не видит. Раз.

Сиплый поднялся на ноги быстрее Волка. Попятился. Его приятель неотрывно смотрел в лицо Торосу, и страха в нем было все меньше.

– Два.

– Идем. – Сиплый потянул Волка за собой. – Прости, Торос, мы не знали, что ты заинтересован в мальчике.

– Три.

Волк рывком встал на ноги, лицо его перекосила жуткая гримаса. С губ вот-вот хотело сорваться что-то обидное.

– Четыре.

Торос покачнулся на носках, его кожаные сапоги заскрипели. Сиплый просто выдернул Волка из подсобки.

– Пять.

Окончив счет, Торос повернулся ко мне.

– Спасибо, – выдавил я из себя.

Неприкасаемый осматривал меня, как заводчик разглядывает доставшегося ему оленя.

– Половой знал, что вы будете тут?

Он кивнул.

– Знаешь, что важнее всего для бойца? – вдруг спросил Торос и, не дождавшись моего ответа, произнес: – Не бояться ударить первым. Только из такого и получится воин. Ты не боишься.

– Почему вы это сделали? Почему помогли?

Неприкасаемый мотнул головой:

– Без разговоров. На сегодня все. Торос поговорит с Половым.

Он вышел из подсобки, оставив меня на полу. Я увидел поднос в трех шагах от меня, добрался до него на четвереньках и, чувствуя боль в ребрах, поднялся. Что бы сейчас ни произошло – меня ждет уборка коридора и выражение лица Айза, когда я поднимусь за «добавкой».

Поднимая с пола кастрюлю, я вдруг понял, что улыбаюсь.

Глава шестая

Стюарды «Звездочки»

Труп Кунни, преданного стюарда капитана Дувала, нашел боцман Крюкомет. Офицер, старательно избегающий появляться на общей палубе и предпочитающий просто выдерживать к себе старших матросов для инструкций, направлялся в галюн, когда наткнулся на тело бедолаги. Тревоги мастер Ойле поднимать не стал и постарался обставить происшествие как можно тише.

Однако я и Фарри оказались свидетелями того, как двое абордажников протащили мертвеца по техническому коридору, миновав камбуз, столовую и общую залу, в сторону лазарета. Мы бы и не увидели ничего, но шлюз в столовую был открыт.

Следом за ними шел мрачный Дувал собственной персоной. Посмотрел на нас и напряженно нахмурился, затем махнул рукой кому-то в коридоре в нашу сторону и исчез вслед за штурмовиками.

– Ох, если Шон узнает, – с легкомысленной улыбкой сказал мне Фарри. Я подавленно промолчал, чувствуя напряженную ауру капитана и абордажников. Не стоило быть гением, чтобы проникнуться их тревогой. Прошло всего несколько дней с того момента, как мы оставили во льдах опустевшего «Сына героев».

– Гнилая селезенка, что вы тут вообще делаете? – заглянул на камбуз сам Крюкомет. – Какого демона шлюз в коридор открыт?!

– Вахта, мастер Ойле! Душно стало, мы приоткрыли проветрить.

Боцман сплюнул, уставился на меня.

– Молодое мясо? – хмыкнул он.

Мы закивали, понимая, кого называли мясом.

– Лиса не видали? – чуть смягчился боцман.

Я развел руками, почти синхронно с Фарри. Сумасшедший лекарь, сбежавший из какой-то гильдии, был одним из самых забавных существ на корабле. От побудки до отбоя он прятался в темных углах палуб, выбираясь на свет только от удара по «обеденному» рельсу. Не знаю, как его терпел капитан, но Лис даже не скрывал того, как не хочет работать. Однако если широколицего бледного лекаря все же находили – то он покорно выполнял то, что от него требовал Дувал. Выполнял блестяще, утирая нос своему коллеге-самоучке Квану, а после вновь прятался.

– Дранный демон, – процедил Крюкомет, глянул куда-то в коридор. – Держите язык за зубами, пока кто-нибудь из доков не обследует бедолагу Кунни. Вы ничего не видели. Ясно? Если хоть что-то пискнете – покалечу. А теперь марш на кубрик и не вылезать, пока я не приду. Половому передадите – личное распоряжение Крюкомета. И повторяю: пасть зашили себе и забыли, что вообще умели видеть и говорить.

Мы поспешили заверить его, что все понимаем и он может не беспокоиться. Боцман посмотрел на нас, размышляя, а затем с глухой руганью пошел куда-то в сторону кормы разыскивать Лиса. Наш второй медик, унылый Кван, никуда из лазарета не выходил, являя собой полную противоположность гильдейского профессионала. Он работу свою любил, я знал это, но все остальное его расстраивало и вгоняло в смертельную тоску. Капитан не слишком-то доверял самоучке, предпочитая консультироваться у Лиса. Но иногда выбора не было. Иногда гильдейский лекарь прятался очень хорошо.

На кубрике маялись бездельем несколько моряков, встретивших нас только взглядами. Среди них я увидел глыбу Громилу, воцарившегося у печи, и насупленного Саблю. В полном молчании мы прошли к своим лежанкам, и я вдруг отчетливо понял, что не знаю, как себя вести.

Мне почему-то представилось, как кто-то из моряков, например Патт, вдруг спрашивает: «А не знаешь ли ты, Эд, что случилось страшного у нас на корабле?»

И я замираю, с одной стороны скованный приказом Крюкомета, а с другой не желая никому врать. Меня рвет на части два правильных чувства, но я должен выбрать между ними, и любой выбор означает окончательную утрату чести.

Плюхнувшись на свою койку, я тяжело вздохнул и посмотрел на Фарри. Вот кому все терзания были далеки и неинтересны. Рыжеволосый паренек с охотцей забрался под одеяло, повернулся на живот и, подложив под подбородок руки, уставился на спины моряков у печи. Он искренне радовался свободной минуте.

Фарри даже не думал о том, что смерть стюарда как-то может быть связана с «Сыном героев». А если и думал, то ни капли не волновался. Мне стоило поучиться у него такой выдержке. Повернувшись на бок, я зевнул.

Вообще стюарды официально являлись частью палубной команды. Но я до сих пор не знал, сколько их у нас на самом деле. Наверное, по числу старших офицеров? Один у Старика, один у Мертвеца, один у капитана, разумеется. Скорее всего, у Крюкомета есть. Может быть, у Шестерни, изуродованного лидера механиков. Пять человек всего? У Балиара есть Зиан – и стюард и ученик. Получается, что все. Вообще я почти не встречал «избранных» моряков, прикрепленных к услужению офицерам, за пределами первой палубы. Они даже спали неподалеку от хозяев. Но зато и работой по кораблю их не нагружали.

Странная и непонятная мне жизнь. Она казалась мне унижительной. По мне, лучше быть самым последним из дрящих палубу моряков, чем первым среди слуг. Но, как я понял, здесь выбирать не приходится. Все решают старшие матросы. Если Половой, Яки и Ворчун выберут кандидата, тому ничего не останется, кроме как подчиниться.

Или дезертировать.

После смерти Кунни, что бы ее ни вызвало, капитану потребуется новый слуга. Я оглядел кубрик, размышляя, на кого падет выбор сурового Ворчуна. Седобородый старший матрос, отвечающий за стюардов, единственный, кто жил с нами на второй палубе. На общий кубрик он заглядывал довольно регулярно, в основном чтобы переброситься парой слов с Половым и поглазеть на матросов. Всегда, абсолютно всегда угрюмый Ворчун прикидывал, кем и когда можно заменить того или иного стюарда. Интересно, кого он выберет на замену Кунни?

Меня передернуло. Что, если он вдруг выберет меня? Хотя... Тогда я постараюсь стать самым ужасным слугой на корабле. Буду разбивать, разливать и быть крайне неаккуратным. Айз подтвердит, что я это умею, да-да.

«Какая разница, кого выберет Ворчун, Эд? На корабле поселилась Смерть. Она уже прячется где-то в темных коридорах. Кунни лишь первый снег перед зимними ураганами. Потом придет очередь остальных. И твоя очередь, Эд. Твой черед обязательно настанет».

Дранный Шон. Страхом, оказывается, можно заразиться.

О том, что умер Кунни, объявили ближе к вечеру. Капитан лично вышел в столовую, вместе с жаждающим бегства Лисом и скорбным Кваном. Собравшаяся за столами команда настороженно следила за Дувалом, а тот раскатило, зычно рассказал историю о том, как долго болел его стюард, прежде чем Темнобог призвал его. Он не врал, и уверенность в голосе Грома успокаивала даже меня, видевшего его подозрения сегодня утром.

Доктор Кван кивал в такт словам капитана и думал о смерти. Длинные пальцы лекаря-самоучки играли с металлическим стержнем, катая его между костяшками. Его коллега Лис отчаянно маялся, изнывая от необходимости стоять здесь и сейчас, пока наконец ему не надоело:

– Все умирают. Никто не вечен. Можно я уже пойду?

Несколько десятков возмущенных взглядов пронзили медика насквозь, но тот их не заметил.

– Жизнь скотски устроена, друзья мои. Рано или поздно в человеке что-то ломается, и он прекращает быть. Это обычная ситуация, ее...

– Заткнись, Лис! – оборвал его капитан. – Прояви хоть немного уважения к покинувшему нас...

– Ох, простите, я был немного груб. Позвольте, я откланяюсь и отправлюсь в темный угол, чтобы до скончания веков предаваться плачу о безвременной кончине столь славного человека? – ядовито проговорил Лис. – Это ведь самое полезное дело, которое каждый из нас теперь может сделать!

Ненависть команды можно было резать на куски и раскладывать по тарелкам.

Мертвец зашевелился в своем углу, рассеянно перебирая законы и выискивая в них лазейку, по которой можно было наказать наглеца. Но, не найдя, забыл о происходящем.

– Не боишься в темном углу сам безвременно «окончиться», Лисичка? – подал голос Буран.

Капитан занервничал. Мертвец поднял голову и нашел пустым взглядом бунтаря.

– Все, Лис, свободен. Буран, на этот раз прощаю.

Лекарь широко улыбнулся Неприкасаемому, но ничего не ответил и вышел из столовой. Стоящий в проходе Крюкомет даже не попытался уступить ему дорогу, отчего доктору пришлось повернуться боком и протиснуться мимо мрачного боцмана.

Раньше я думал, что на корабле не любят Зиана. Думал, что недолюбливают самого Крюкомета за его очень тяжелый характер. Считал, что Волк и Сиплый стоят на пьедестале отвратительнейших созданий. Но сейчас на первое место взгромоздился широколицый Лис. И ведь в нем не было злобы, только раздражение и убежденность в собственной правоте. Исключительная убежденность. Омерзительная!

– Проводим же в последний путь нашего старого Кунни, – громыхнул капитан, на лице которого царил истинная скорбь. – Он был хорошим человеком и отличным, клянусь печенкой, стюардом. Лучшим стюардом, уж простите меня!

Я заметил, как седоусый Ворчун пробрался сквозь толпу к Половому и что-то спросил. Старшие матросы оба, словно сговорившись, посмотрели в мою сторону. В висках застучали молоты, и я мигом забыл про возмутительное поведение доктора.

– Давайте соберемся на нижней палубе и попросимся с ним, – закончил наконец Гром.

Молчаливые моряки по одному покидали столовую, отправляясь по освещенным коридорам на нижнюю палубу. Ледоход давно уже остановился, и я слышал, как гудят приводы, опускающие гигантский грузовой трап на корме.

Кунни положили в выдолбленную под прикрытием древнего тороса яму, затем аккуратно заложили его тело кусками серого льда. Я ждал, что Балиар начнет обряд прощания со старым стюардом, но тот лишь кутался в шкуру, наброшенную поверх парки, и задумчиво смотрел куда-то вдаль.

– Почему шаманы без масок? – тихо спросил я у Фарри. Тот пожал плечами, зато мне ответил Шон, стоящий, оказывается, прямо за моей спиной:

– У странников Пустыни другие порядки. Мы все мечены Темным богом, нам нет нужды просить о чем-нибудь у него. Он и так нас ждет.

Говорил он спокойно, даже чуточку задумчиво. А душа его ныла от страха и отчаяния. Я даже обернулся на него. Лицо моряка закрывал шарф, оставив лишь щелочки для глаз.

– Он был стар, Шон, – сказал я.

– Я понимаю! – с натянутым весельем ответил тот. Бросив странный взгляд на капитана, пират нервно передернулся.

– Жалко прощаться с тобой, Кунни, – громко пробасил Гром. Его глубокий голос миготом отнес гул снежной пустыни, даже далекий стон льдов притих, будто вслушиваясь в слова пирата. – Жалко, но все мы рано или поздно уйдем на дно.

Команда окружила ледяную могилу. Кто-то притопывал от холода, кто-то шмыгал носом, но при этом все действительно провожали товарища, а не отбывали повинность присутствия. Меня немножко подташнивало от липкого страха Шона, однако я остро чувствовал торжественность момента. На севере, среди льдов, смерть всегда таится где-то неподалеку. И ты об этом знаешь, всегда знаешь! Можно сказать, ты к ней привык, но каждая встреча с небытием – это по-прежнему прикосновение к неведомому. К непостижимому.

Я прерывисто вздохнул, чтобы прогнать черные мысли, и уставился на капитана. Гром держал в левой руке факел из тряпок, пропитанных энгу.

– Пора, – наконец произнес он.

Скотти и Грэг по знаку капитана полили могилу топливом Пустынь, бережно расплескивая его из железных канистр, и вернулись в круг.

– Пусть Темный бог будет добр к тебе, Кунни. – Гром щелкнул огнивом.

Пламя вспыхнуло с первой искры, чадая черным дымом. Капитан несколько мгновений стоял молча, а затем поджег могилу. Лед зашипел, тая. Голубой огонь скользнул по выломанным кускам, плавя снежную броню и разгораясь все больше. Люди отошли чуть назад, пустив вперед Громилу с ведром пожарной смеси. Тот, и без того здоровый, в бурой шубе казался еще больше. Неуклюже бродя вокруг могилы, он пристально следил за огнем, не давая ему перекинуться за пределы могилы.

Глядя на то, как пламя то оживает, то гаснет, я вспоминал легенду о поработанных шаманах Журга Безумного, желающих спалить всю Пустыню и таким образом растопить вечный лед. Много дней и ночей они заполняли вырытые кратеры энгу, сменяя друг друга, едва кончались силы, чтобы через несколько часов тревожного сна вновь приступить к чарам. Большинство околдованных шаманов погибло, надорвавшись, но некоторым удалось сбросить с себя магию Безумного и сбежать из проклятого места. В конце концов у карьеров остался только один кудесник, сам Жург. Тот, кто собрал шаманов вместе, тот, кто пронес мечту о новом мире через всю свою жизнь. Он-то и совершил дело всей их жизни – щелкнул огнивом, поджигая море энгу.

В сказке говорилось, что пламя поднялось до небес, прогнав оттуда Светлого бога. А сама Пустыня в тех краях горела два дня, но с каждым часом пламя ее становилось все слабее и слабее, пока наконец вся энгу не выгорела окончательно. Вода, дающая силу пламени, поглотила многодневные запасы шаманов и победила их магию. Ничто не способно победить стужу Темного бога.

Но у печки, в зале палубников, рассказывали разные истории. Говорят, немного пролитой энгу способно погубить любой корабль. Поэтому в каждом углу ледохода стоят бочонки с пожарной смесью, заботливо заготовленной шаманами.

Весь мир держится только на ледовых колдунах... На таких, как Зиан... По-моему, это неправильно.

Интересно, а что стало с Жургом? В конце легенды говорилось, что он ушел во льды, чтобы найти других шаманов и повторить попытку. Но что случилось на самом деле?

Вдалеке загрохотал лед. Оглушительный треск прокатился от горизонта до горизонта, оторвав меня от размышлений. Я моргнул, чувствуя, как смерзлись ресницы, шмыгнул носом и постарался думать о Кунни, которого встречал лично только во время уборочных вахт. Возясь с тряпками и ведрами на первой палубе, вылизывая там коридоры и каюты, я иногда чувствовал на себе взгляд рябого стюарда. Старик никогда со мной не разговаривал, но смотрел всегда

очень странно. С какой-то неприязнью и, по-моему, завистью. Не знаю почему, думаю, жизнь стюарда меняет человека. Ты вроде бы и возвышен, но...

Всегда есть «но».

Над могилой поднялся густой пар. Едкий, душный. Он мигом превращался в изморозь и оседал на одеждах моряков. Верхние льдины плавилась, и вода заливала щели между кусками, превращая стихию вокруг мертвеца в монолит. Теперь до старины Кунни не доберутся волки или львы. Теперь он останется во льдах навечно. Возле угасающего огня недвижимо застыл Громила, его шарф покрылся инеем. Здоровяку было грустно.

Первыми с места прощания ушли офицеры, а за ними потянулись и остальные. Нехорошо в этом признаваться, но я чуточку обрадовался концу церемонии. Сейчас, конечно, мне стыдно за того себя. Сейчас я легко могу представить себя на месте человека, прожившего долгую жизнь и оставившего после смерти лишь облегчение юнги. Но тогда все было много проще.

Ворчун и Половой остановили меня сразу же наверху трапа. Мой одноглазый начальник едва сдерживал бешенство, а Ворчун, недовольно поджав губы, старался на соратника вообще не смотреть.

Сердце екнуло...

– Лавани, Бауди. – Половой кивнул и отошел чуть в сторону от прохода, чтобы не мешать команде подниматься на борт. Ветер задувал в недра ледохода колючую снежную крошку.

– Да, мастер Половой? – угрюмо спросил я, понимая, о чем пойдет разговор.

– Тебя переводят в стюарды, – буркнул одноглазый моряк, и я с изумлением и постыдной радостью обнаружил, что старший матрос указывает не на меня, а на Фарри. У того же отвисла челюсть.

– Эм... А... – забубнил мой друг. – А если я...

– Приказ капитана, сынок, – с ноткой презрения проскрипел Ворчун. – Он тебя сам выбрал.

– Гром, конечно, молодец. У меня на палубе народу не так уж и много, чтобы так юнгами разбрасываться. – Половой злился. – С какого гнилого железа мы нанимаем юнг, если мне на вахту ставить некого?!

– Скажи это капитану, а? – фыркнул Ворчун. Старшие матросы обменялись злыми взглядами. В стенах вдруг затрещали механизмы, поднимающие кормовой трап. Я с нетерпением покосился на Пустыню и серые зубья льдов, торопя тот момент, когда металлический лист закроет меня от ветра и хмурого неба.

Нет, ну надо же! Фарри – стюард. Я не удержался от глупого смешка, вспоминая злоключения приятеля в Снежной Шапке. Его «везение» Дувал, несомненно, оценит. Я беззлобно предвкушал возможные истории счастливой звезды моего друга. Если бы Ворчун выбрал меня – я бы бил и ронял все специально, со зла, чтобы капитан выбрал себе другого стюарда. Но в случае с Фарри это ведь не будет случайностью. Это будет нормой, законом жизни, правилами Лавани.

Судьба недолюбливала моего неунывающего приятеля, а тому словно и дела до нее не было. Даже сейчас, поборов изумление, он с восторгом отнесся к идее Ворчуна. Но пока этой радости не показывал.

– Что это за смешок был, Бауди, ледяная ты зараза? – уставился на меня Половой.

– Простите, старший матрос, – потупил я взгляд, едва сдерживаясь от неуместного смеха. Моряк неодобрительно покачал головой и проговорил:

– А тебя, как я понял, забирают в абордажники.

Я опешил, сразу вспомнив о Волке и Сиплом. Веселье мигом улетучилось.

– Как так?!

Увидев мой испуг, Половой чуть смягчился:

– Не сразу. С тобой будет заниматься Торос, и он скажет, когда ты будешь готов войти в abordажную команду. До того момента живешь у нас. Тренируешься у них. Завтра утром после пробудки найди Тороса на первой палубе.

– Оледенеть можно, – присвистнул Фарри. – Просто оледенеть...

Глава седьмая

«Главное – что сказал Торос»

На первой палубе, где помещения отапливались от центрального котла с помощью труб и циркулирующей по ним разогретой смеси, совсем не пахло энгу. Для обитателей второго уровня, где обогрев шел в основном при помощи печей, едкий аромат топлива давно уже стал привычным. Стоя на полинявшей ковровой дорожке, я наслаждался отсутствием доставучего запаха и собирался с силами.

Штурмовики еще спали, а где-то внизу вахтенный матрос торчал возле сигнального рельса и сонно следил за хронометром, отсчитывая последние минуты. Вообще мне сказано было подойти к каюте Неприкасаемых после побудки, но так вышло, что я проснулся раньше и долгое время лежал с открытыми глазами, нервничая и переживая за грядущую встречу. Я – абордажник. Если бы моими командирами не должны были стать Волк или Сиплый – мысль могла бы быть приятной. Если бы...

«Они не забудут, Эд. Ничего не забудут. И тебе никто не поможет, потому что твоим долгом станет выполнять их распоряжения. Подчиняться им. Покорно, безропотно. Тебе нравится эта идея, Эд?»

Торос, сам того не ведая, вытолкнул меня на талый лед. Но пойти против его «распоряжения» я не мог. И дело было даже не в чудесном спасении и моей благодарности за него... Вернее, не только в этом. Приказ есть приказ. Конечно, законы на корабле поворачивались в любую сторону, но самый строгий мой судья – совесть. И именно она не позволила бы спокойно спать, вкручивая в виски противную мысль, что я такой же, как и все обитатели «Звездочки». Что я так же, как и они, плюю на правила и считаю это нормальным.

Интересно, что будет, если Волк или Сиплый поймут меня в коридоре? Я живо представлял себе нашу встречу и, проклятье, испугался ее. Все равно испугался, несмотря на защиту Неприкасаемых. Мне казалось, что едва я ступлю на трап, ведущий на первую палубу, – мне навстречу выйдет изуродованный командир одного из отрядов ледовых штурмовиков и хищно улыбнется, отцепляя от пояса зазубренный нож. Так что самым большим испытанием для меня был этот злосчастный подъем наверх и коридор. Их необходимо преодолеть. Один раз. Всего один раз, потом будет легче.

Полежав некоторое время без сна, глядя на черные тени от печи, пляшущие поверх намазанной на потолке женщины, я выполз из-под одеяла, осторожно оделся, стараясь не разбудить кого-нибудь из товарищей, и прокрался к выходу. Чем раньше сделаю то, что меня страшит, – тем легче будет потом.

Так я и оказался здесь, на первой палубе. Из-за дверей в каюты слышались храп и сонное бормотание штурмовиков. Где-то что-то позвякивало. Легонько дребезжала лампа шаманского фонаря чуть дальше по коридору. Неужели это место когда-то станет моим домом?

Удивительно, но в тот момент я совсем не думал о будущем. О компасе, о Барроухельме и инструментарии Лунаре, которых «завещал» мне умирающий шаман из оставшейся в прошлом жизни. Наверное, я сжился со «Звездочкой». Этот нехитрый быт последних недель нес с собой некую стабильность. Теплое, безопасное место. Мне не хотелось ничего в нем менять. Одержимость черными капитанами как-то приутихла, затаившись в уголках души. Время для ее пробуждения еще не настало. Говорят, плохо так думать. Но что поделать, после тяжелой зимы я радовался относительному покою.

Если не вспоминать о Зиане, Сиплом и Волке.

Я обернулся. Офицеры селились ближе к носу, коридоры к их каютам расходились на перекрестке шагах в пяти от меня. А тут, у входа на палубу, жили простые абордажники. Одним из которых мне грозило стать. Невероятно...

Едва я оказался у каюты Неприкасаемых, схоронившейся в тени у входа в тренировочный зал, как у трапа слышались шаркающие шаги. Нырнув в темный угол, прочь от света шаманского фонаря, я прижался к стене, не желая, чтобы кто-нибудь увидел меня здесь до побудки. Жалкого, испуганного и чуждого первой палубе.

Цепляясь изуродованной рукой за поручни, у трапа стоял Шестерня. Не знаю, какая травма так искалечила боцмана инструментариев. Но честное слово, для того чтобы повторить злую шутку природы, нужно было заставить бедолагу втянуть голову в плечи, а затем прошить его стальным стержнем от плеча до плеча и двумя-тремя ударами кувалды загнуть левый край чудовищной «шпильки» вверх. Затем стесать ему половину лица, при этом сохранив глаза и полностью уничтожив нос. Выбрить одну половину головы наголо, а на другой оставить грязные седые лохмы. Лицо боцман обычно скрывал под маской, но один раз я видел его без нее. Поверьте, это зрелище еще не раз приходило ко мне в кошмарах.

Шестерня даже ходил с трудом, привлекая ногу.

Не знаю, что заставляло капитана держать на борту такое бесполезное чудовище. Я боялся боцмана-калеку и старался оказаться как можно дальше от него, если изуродованный механик появлялся поблизости и приносил с собой мир боли и отчаяния. Но несмотря на вечные муки, Шестерня держался. Невзирая на страдания, он обладал невероятной волей к жизни и фанатичной надеждой, что когда-нибудь все изменится. Когда-нибудь он станет прежним. Что когда-нибудь его уродство пройдет.

Мое сердце сжималось от грусти и понимания тщетности таких надежд.

Шестерня постоял у трапа, сипло переводя дыхание, а затем поковылял куда-то в сторону офицерских кают. Я перевел дыхание, радуясь, что монстр не заметил во тьме испуганного юнга. На лбу проступил пот.

– Ну и трус ты, Эд, – тихо-тихо проговорил я. Одними губами, честно. Но меня услышали.

Дверь в каюту Неприкасаемых лязгнула, открываясь, и равнодушный голос спросил:

– Что ты тут делаешь?

Сердце так скакнуло в груди, что стало больно. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, и в тот же миг вахтенный матрос на камбузе заколотил в рельс.

– Я... Это...

Буран облокотился плечом о косяк и уставился на меня, подбрасывая кинжал. Сталь послушно крутилась в воздухе, мерцая в свете шаманского фонаря, и безошибочно возвращалась в ладонь Неприкасаемого.

– Мне Торос сказал. Точнее, мне сказал Половой, что Торос сказал. Что... Когда. Вчера он. Ну когда Кунни, – замямлил я, растерявшись. Отпрянул от стены, выходя на свет.

Буран кивнул:

– Итак, это прекрасное утро принесло нам сразу два вопроса. Первый – что сказал Половой. Это я смог понять из твоей потрясающей речи. Осталось главное – что сказал Торос. Я внимаю тебе.

Тонкие губы воина искривила улыбка.

– Дыши глубже, соображай яснее. Это несложно. Давай подышим вместе, раз-два. Раз-два. Ну?

Он нахмурился:

– Почему ты не дышишь вместе со мною, юнга? Ты замыслил недоброе?!

Неприкасаемый пребывал в хорошем расположении духа и наслаждался моей оторопью, а я просто не мог найти слов. Потом, много позже, я бы смог дать ему с десятков остроумных ответов на эти реплики, но к тому времени их стало бы значительно больше. Угнаться за языком Бурана невозможно.

– Хватит, Бур, – гроыхнуло из каюты. Торос очень своевременно пришел мне на помощь. – Если это юнга, то тащи его сюда.

В каюте Неприкасаемых могли жить человек шесть, это точно. Просторная, ярдов десять в длину и четыре в ширину, коробка без каких-либо украшений на серых стенах и с чистыми, серыми же шкурами на полу. У дальней переборки на прикрученных стойках расположился арсенал (коллекция была поменьше, чем в каюте капитана, но не оставалось никаких сомнений – здесь клинки, топоры и алебарды висят не для красоты) и несколько приспособлений для тренировок вроде щита для метания ножей, турника и ошестинившегося трубами манекена. Совсем рядом с дверью приютились прикрепленный к полу столик со вложенными друг в друга мисками и два простеньких табурета, в углу на крюках аккуратно висела одежда. Ничего лишнего, ничего для услады глаз. Обитель воинов, которым нет дела до чего-то, кроме сражений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.